ДЖЕННИ ХАН

P.S. Я все еще люблю тебя

Продолжение бестселлера

«ВСЕМ ПАРНЯМ, КОТОРЫХ Я ЛЮБИЛА»

Виноваты звезды

Дженни Хан

P. S. Я все еще люблю тебя

«АСТ»
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хан Д.

P. S. Я все еще люблю тебя / Д. Хан — «АСТ», 2015 — (Виноваты звезды)

ISBN 978-5-17-100230-5

Когда тайные любовные письма Лары Джин попали в руки адресатам, ее жизнь превратилась в кошмар. Девушка вынуждена притворяться подругой самого красивого парня школы. Но она не планировала влюбляться в него. До этого самого момента. И когда Лара Джин понимает, что ее чувства самые что ни на есть настоящие, возвращается друг ее детства, к которому она тоже начинает испытывать симпатию. Может ли девушка любить двух парней одновременно? Как ей справиться со своими чувствами и понять, что ей в действительности нужно?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100230-5

© Хан Д., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

1 7
2 12
3 17
4 21
5 23
6 27
7 35
8 41
9 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Дженни Хан
P. S. Я все еще люблю тебя

Логану.
Мы только познакомились, но я уже люблю тебя.

«Она была рада, что уютный дом, и мама с папой, и камин, и музыка были сейчас. Их нельзя забыть, думала она, потому что они сейчас.
Они не могут быть давно».
Лора Инглз-Уайлдер, «Маленький домик в больших лесах»

«Время – самое длинное расстояние между двумя местами».
Теннесси Уильямс, «Стеклянный зверинец»

Jenny Han
P. S. I STILL LOVE YOU
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.
Text copyright © 2015 by Jenny Han
Jacket photograph copyright © 2015 by Douglas Lyle Thompson
© Д. Селивестрова, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дорогой Питер,

Я скучаю. Прошло всего пять дней, но я скучаю так, будто прошло пять лет. Может, я просто боюсь, что это конец и что мы никогда больше не будем разговаривать. Да, мы будем здороваться на уроке химии и в коридорах школы, но будет ли все так, как раньше? Мне от этого очень грустно. Я чувствую, что могла бы сказать тебе что угодно. Думаю, ты тоже это чувствуешь. Я на это надеюсь.

В общем, я прямо сейчас скажу тебе это «что угодно», пока не растеряла всю храбрость. Меня напугало то, что случилось между нами в джакузи. Для тебя это был лишь еще один день из жизни Питера, но для меня это значило гораздо большее, и именно это меня напугало. Даже не то, что все говорили о нас и обо мне, а то, что это вообще случилось. Что все было так просто, и что мне понравилось. Я испугалась и сорвалась на тебя, за что мне очень стыдно.

И прости, что я не защитила тебя перед Джошем на концерте. Я должна была. Я многое тебе должна. Я должна тебе гораздо больше, чем это. До сих пор не могу поверить, что ты пришел и принес печенье с изюмом. Кстати, ты был такой милый в этом свитере. И я не подлизываюсь. Я серьезно.

Иногда ты мне так нравишься, что просто сил нет. Это чувство переполняет меня с головы до ног и вот-вот польется через край. Ты мне так нравишься, что я не знаю, что с этим делать. От мысли о том, что я снова тебя увижу, мое сердце бьется как сумасшедшее. А потом, когда ты смотришь на меня так, как ты это делаешь, я чувствую себя самой счастливой девушкой на свете.

То, что Джош говорил о тебе, неправда. Ты не тащишь меня на дно. Наоборот. Ты создаешь меня заново. Ты подарил мне первую любовную историю, Питер. Пожалуйста, не дай ей закончиться так скоро.
С любовью, Лара Джин

1

Китти все утро капризничает, а папа и Марго, похоже, мучаются постновогодним похмельем. Ну а я что? У меня перед глазами летают сердечки, а письмо в кармане пальто грозится прожечь дыру.

Пока мы обуваемся, Китти все еще пытается увильнуть от необходимости надевать ханбок[1] к тете Кэрри и дяде Виктору.

– Посмотрите на рукава! Они мне едва до локтей достают!

– Так и должно быть, – отвечает папа неубедительно.

Китти показывает на нас с Марго.

– Тогда почему у них длина нормальная? – спрашивает она.

Ханбоки нам привезла бабушка из ее последней поездки в Корею. Марго достались желтая блузка и салатовая юбка. Моя блузка была розово-бежевой, с ярко-розовым бантом. Объемная, похожая на колокол юбка струилась до пола, тогда как юбка Китти едва прикрывала ей лодыжки.

– Мы не виноваты, что ты растешь, как сорняк! – говорю я, сражаясь с бантом.

Правильно повязать бант сложнее всего. Чтобы разобраться, что к чему, мне пришлось несколько раз пересмотреть видео в Интернете, но он все равно получился кривым и жалким.

– И юбка у меня короткая! – ворчит сестренка, приподнимая подол.

На самом деле Китти терпеть не может надевать ханбок только потому, что ходить в нем нужно очень аккуратно, одной рукой придерживая юбку, чтобы вся конструкция не развалилась.

– Ваши кузины тоже будут в ханбоках, и это очень порадует бабушку, – говорит папа, потирая виски. – Разговор окончен.

В машине Китти без перерыва бормочет: «Ненавижу Новый год», и у всех, кроме меня, портится настроение. Марго и так уже была не в лучшем расположении духа, потому что ей пришлось встать на рассвете, чтобы вовремя вернуться домой от друзей. Похмелье, вероятно, тоже сделало свое дело. А вот мое настроение ничто не может испортить: меня даже нет с ними в машине. Я нахожусь в другом мире, думая о своем письме Питеру. Достаточно ли оно искреннее? Как и когда я его передам? Что он ответит? Что это будет значить? Бросить его в почтовый ящик или подсунуть в шкафчик? Когда мы снова увидимся, улыбнется ли он, пытаясь обратить все в шутку и смягчить напряжение? Или сделает вид, что ничего не получал, чтобы не говорить об этом? Такой вариант был бы самым ужасным. Но я напоминаю себе, что, несмотря на все, Питер добрый и милый, и он не поступит так жестоко ни за что на свете. В этом я точно уверена.

– О чем ты задумалась? – спрашивает Китти.

Я ее едва слышу.

– Эй!

Я закрываю глаза и притворяюсь спящей. Все, что я вижу, – это лицо Питера. Я точно не знаю, чего от него хочу и к чему готова. Будет ли это «ты-мой-парень-я-твоя-девушка-все-очень-серьезно» любовь? Или просто случайные поцелуи, как раньше? Или что-то среднее? В одном я уверена наверняка: я не могу выбросить из головы его лицо. Как он улыбается, называя меня по имени, и как рядом с ним я порой забываю дышать.

Разумеется, приехав к тете Кэрри и дяде Питеру, мы обнаруживаем, что никто, кроме нас, не надел ханбоки. Китти так старается не накричать на папу, что вся багровеет, а мы с

[1] Национальный корейский костюм, состоящий из запахивающейся юбки и жакета. *Здесь и далее примеч. ред.*

Марго испепеляем его взглядом. Знал бы он, какое это мучение, целый день ходить в этой тряпке! Но потом бабушка награждает меня одобрительной улыбкой, и я успокаиваюсь.

Пока мы разуваемся и снимаем пальто в прихожей, я шепчу Китти:

– Может, нам дадут больше денег за то, что мы так оделись?

– Девочки, вы прелестно выглядите! – восклицает тетя Кэрри, обнимая нас. – А вот Хэйвен отказалась надевать ханбок.

Хэйвен закатывает глаза.

– Мне нравится твоя прическа! – говорит она Марго.

Хэйвен всего на пару месяцев старше меня, но считает себя гораздо более взрослой и постоянно пытается подружиться с Марго.

Мы начинаем с поклонов. В корейской культуре в первый день нового года нужно кланяться старшим, желая им удачи в будущем году, а в ответ они дают тебе деньги. Очередь идет от старшего к младшему, поэтому бабушка садится на диван первой. Сначала ей кланяются тетя Кэрри и дядя Виктор, потом папа и так далее. Китти, как самая младшая, идет последней. Когда папа садится на диван и получает свои поклоны, рядом с ним остается одинокая диванная подушка, которая лежит там каждый Новый год, с тех пор как умерла мама. У меня защемляет в груди от того, как папа сидит там один, бодро улыбается и раздает десятидолларовые купюры. Бабушка многозначительно перехватывает мой взгляд, и я знаю, что она думает о том же. Когда приходит моя очередь кланяться, я встаю на колени, складываю ладони перед лицом и клянусь, что в следующем году папа не будет сидеть на диване один.

Мы получаем десять долларов от тети Кэрри и дяди Виктора, десять от папы, десять от тети Мин и дяди Сэма, которые на самом деле нам не дядя с тетей, а троюродные брат и сестра. Или супердвоюродные? В общем, они мамины кузены. Бабушка дает нам по двадцатке. Никто не заплатил нам больше за то, что мы были в ханбоках, но в целом выручка получилась неплохая. В прошлом году все родственники ограничились пятерками.

Далее в программе у нас суп из рисовых лепешек, который приносит удачу. Еще тетя Кэрри испекла гороховые пирожки и настояла на том, чтобы каждый их попробовал, хоть никто из нас не горел желанием. Ее близнецы, Гарри и Леон, наши четвероюродные братья (или двоюродные братья в квадрате?), отказались от супа с пирогами и уплетают куриные наггетсы, сидя перед телевизором. За обеденным столом не всем хватило места, поэтому мы с Китти сидим в кухне на табуретах и лишь слушаем доносящийся из столовой смех.

Сделав первый глоток супа, я загадываю желание. *Пожалуйста, пожалуйста, пусть у нас с Питером все получится.*

– Почему моя миска с супом меньше, чем у остальных? – шепчет мне Китти.

– Потому что ты самая младшая.

– А почему нам не дали кимчи?

– Потому что тетя Кэрри считает, что мы его не любим, ведь мы только наполовину корейцы.

– Попроси кимчи, – шепчет Китти.

И я иду просить, скорее для себя, чем для нее.

Когда взрослые садятся пить кофе, мы с Хэйвен и Марго идем в комнату Хэйвен, а Китти увязывается за нами. Обычно моя младшая сестра играет с близнецами, но в этот раз она хватает Смитти, йоркширского терьера тети Кэрри, и идет с нами наверх, как все девочки.

У Хэйвен по всей комнате развешаны плакаты инди-музыкантов, о большинстве которых я даже не слышала. Она их постоянно меняет. Я вижу один новый, группы «Бель и Себастьян», напечатанный на бумаге в виде джинсовой ткани.

– Классный! – замечаю я.

– Я как раз собиралась его поменять, – говорит Хэйвен. – Можешь взять себе, если хочешь.

Я вежливо отказываюсь. Я же знаю, что она предлагает лишь для того, чтобы почувствовать свое превосходство.

– Я возьму! – восклицает Китти, и Хэйвен тут же хмурится, но сестренка уже отрывает плакат от стены. – Спасибо, Хэйвен!

Мы с Марго переглядываемся, стараясь не улыбнуться. Хэйвен всегда недолюбливала Китти, и это чувство у них взаимное.

– Марго, ты в Шотландии ходила на какие-нибудь концерты? – спрашивает Хэйвен, плюхаясь на кровать и открывая ноутбук.

– Ни разу, – отвечает Марго. – Я была занята учебой.

К тому же моя сестра вообще не любит ходить на концерты. Она смотрит в телефон, а юбка-ханбок струится вокруг нее. Марго – единственная из девочек Сонг, кто до сих пор при полном параде. Я сняла блузку, оставшись в майке и юбке, а Китти избавилась от всего ханбока и теперь щеголяет в топе и подштанниках.

Я сажусь на кровать рядом с Хэйвен, чтобы она могла показать мне фотки с ее каникул на Бермудах. Она начинает прокручивать ленту Инстаграма, и я замечаю снимки из нашей школьной поездки. Хэйвен играет в молодежном оркестре Шарлотсвилля, и у нее в друзьях много ребят из разных школ, включая мою.

Я не могу сдержать вздоха, когда вижу ее: нашу общую фотографию, сделанную в автобусе в утро отъезда. Питер обнимает меня за плечи и что-то шепчет мне на ухо. Хотела бы я вспомнить, что именно!

Хэйвен поднимает на меня удивленный взгляд и спрашивает:

– Ой, смотри, это ты, Лара Джин. Где это?

– Ездили со школой кататься на лыжах.

– Это твой парень? – спрашивает Хэйвен, и я вижу, что она поражена, но усердно старается этого не показывать.

Хотела бы я сказать «да», но…

Прибегает Китти и заглядывает мне через плечо.

– Да, и он самый красивый парень, которого ты когда-либо видела, Хэйвен! – говорит она с вызовом.

Марго, которая до этого сидела, уткнувшись в телефон, поднимает взгляд и хихикает.

– Это не совсем так, – говорю я, защищаясь.

То есть да, он самый красивый парень, которого *я* когда-либо видела, но кто знает, какие ребята учатся в школе с Хэйвен.

– Нет, Китти права, он шикарен, – признает Хэйвен. – Как ты его заполучила? Без обид. Я просто думала, ты не из тех, кто встречается с парнями.

Я хмурюсь. Не из тех, кто встречается с парнями? Что это значит? Что я мухомор, который сидит в полумраке своей комнаты и обрастает плесенью?

– Лара Джин постоянно ходит на свидания! – поддерживает меня Марго.

Я краснею. Я ни разу не была на свидании, если не считать Питера, но я благодарна сестре за ложь.

– Как его зовут? – спрашивает Хэйвен.

– Питер. Питер Кавински.

Одно его имя доставляет мне удовольствие, и я смакую его, как тающую на языке дольку шоколада.

– Хм, – говорит Хэйвен. – Я думала, он встречается с той красивой блондинкой. Как там ее? Дженна? Вы с ней в детстве были лучшими подругами.

Я чувствую укол в сердце.

– Ее зовут Женевьева. Мы раньше дружили, но теперь нет. И они с Питером уже давно расстались.

– И долго вы с Питером вместе? – спрашивает Хэйвен.

В ее глазах сомнение, будто она верит мне на девяносто процентов, но остальные десять не дают ей покоя.

– Мы начали общаться в сентябре, – это, по крайней мере, правда. – Сейчас мы не вместе. У нас как бы перерыв. Но я… не теряю оптимизма.

Китти тычет меня в щеку мизинцем, делая ямку.

– Ты улыбаешься! – говорит она и тоже расплывается в улыбке, пристраиваясь ко мне поближе. – Помиритесь сегодня, ладно? Я хочу Питера обратно!

– Все не так просто, – отвечаю я, хотя почему бы и нет?

– Еще как просто! Ты ему очень нравишься! Только скажи, что он тебе тоже нравится, и бум! Вы снова вместе, как будто ты никогда его не прогоняла.

Глаза Хэйвен становятся еще шире.

– Лара Джин, это *ты* с ним рассталась?

– В это что, так сложно поверить? – Я смотрю на нее, прищурившись, и Хэйвен было открывает рот, но принимает мудрое решение промолчать.

Она еще раз смотрит на фотографию Питера, а потом встает, чтобы пойти в туалет, и, закрывая дверь, говорит:

– Я лишь одно могу сказать: будь он моим парнем, я бы никогда его не отпускала.

От ее слов меня бросает в дрожь.

Когда-то я так же думала о Джоше, и чем все закончилось? Такое чувство, будто прошло сто лет, и он стал лишь воспоминанием. Я не хочу, чтобы с Питером было так же, когда прежние чувства остаются так далеко, что, как бы ты ни старалась, закрывая глаза, ты едва можешь вспомнить его лицо. Что бы ни случилось, лицо Питера я хочу помнить всегда.

Перед отъездом я надеваю пальто, и письмо вылетает из кармана. Марго подбирает его.

– Еще одно письмо?

Я краснею и торопливо говорю:

– Я пока не решила, когда мне его отдать. Самой бросить в ящик или отправить по почте? Или вручить лично? Марго, ты как думаешь?

– Просто поговори с ним, – отвечает Марго. – Прямо сейчас. Папа тебя подбросит. Езжай к нему домой, отдай письмо и посмотришь, что он скажет.

От этой мысли мое сердце начинает бешено стучать. Прямо сейчас? Взять и прийти, не позвонив, не составив план?

– Не знаю, – говорю я уклончиво. – По-моему, мне еще нужно подумать.

Марго открывает рот, чтобы ответить, но появляется Китти и заявляет:

– Хватит уже писем! Просто иди и верни его!

– Пока еще не поздно, – добавляет Марго, и я знаю, что она имеет в виду не только нас с Питером.

Я аккуратно обходила тему Джоша из-за всего, что между нами произошло. Конечно, Марго меня простила, но зачем раскачивать лодку? Последние дни я лишь молча ее поддерживала и надеялась, что этого достаточно. Но меньше чем через неделю Марго возвращается в Шотландию. Разве можно уезжать, даже не поговорив с Джошем? Мы все так долго дружили. У нас с ним все наладится, потому что мы соседи, и так бывает с теми, кто часто видится. Все сглаживается, будто само по себе. Но с Марго это не сработает, ведь она так далеко. Если они не поговорят сейчас, шрам будет становиться все тверже, пока не окаме-

неет, и они превратятся в незнакомцев, которые никогда не любили друг друга. Что может быть печальнее?

Пока Китти обувается, я шепчу Марго:

– Если я поговорю с Питером, ты поговоришь с Джошем. Не уезжай в Шотландию, оставив все так, как есть.

– Посмотрим, – говорит она, но я вижу промелькнувшую в ее глазах надежду, которая дает надежду и мне.

2

Марго и Китти уснули на заднем сиденье. Китти положила голову сестре на колени, а голова Марго с широко раскрытым ртом откинулась назад. Папа с блаженной улыбкой слушает Национальное радио. Все такие умиротворенные, а мое сердце бьется со скоростью миллион ударов в минуту в предвкушении того, что я задумала.

Я сделаю это сегодня же вечером. До того как начнутся уроки. Прежде чем все вернется на круги своя и мы с Питером станем одним лишь воспоминанием. Это как снежный шар: если его потрясти, на мгновение все переворачивается вверх дном, блестки повсюду… Настоящее волшебство! Но потом все успокаивается и возвращается на свои места. В жизни всегда все возвращается на места. А я не хочу возвращаться.

Когда мы проезжаем неподалеку от дома Питера, я прошу папу подбросить меня. Должно быть, он слышит в моем голосе отчаяние и *нужду*, потому что соглашается, не задавая вопросов.

Мы приближаемся к дому Питера, и я вижу, что везде горит свет. Его машина стоит на подъездной дорожке, рядом с минивэном его мамы. Солнце уже начинает садиться: зимой темнеет рано. У соседей через дорогу до сих пор горят рождественские огни. Возможно, это их последний день, ведь уже наступил новый год. Новый год – новая жизнь.

Я чувствую, как на запястьях пульсируют вены. Я нервничаю, ужасно нервничаю. Выбегаю из машины и звоню в звонок. Услышав шаги за дверью, я машу папе, и он отъезжает. Китти проснулась и широко улыбается, прижавшись лицом к заднему стеклу. Она показывает большой палец, и я машу ей в ответ.

Питер открывает дверь. Мое сердце скачет в груди, как мексиканские прыгающие бобы. На нем клетчатая рубашка, которой я раньше не видела. Должно быть, рождественский подарок. Волосы на макушке растрепаны, как будто он лежал. Увидев меня, он не выглядит удивленным.

– Привет! – Питер бросает взгляд на мою юбку, которая торчит из-под пальто, как бальное платье. – Ты чего так разоделась?

– В честь Нового года.

Может, стоило заехать домой и переодеться? Так я бы хоть чувствовала себя собой, заявившись к нему на порог с протянутой рукой, в ожидании милостыни.

– Ну, как провел Рождество?

– Хорошо. – Он делает паузу на целые четыре секунды, прежде чем спросить: – А ты?

– Отлично! У нас теперь есть щенок! Его зовут Джейми Фокс-Пикл.

На лице Питера ни тени улыбки. Он холоден. Я не ожидала, что он будет так холоден. Даже хуже… на его лице полное безразличие.

– Мы можем поговорить?

Питер пожимает плечами, что похоже на «да», но войти не приглашает. Меня охватывает тошнотворное подозрение, что у него Женевьева, но страх быстро рассеивается: будь она здесь, он бы ко мне не вышел. Питер оставляет дверь нараспашку, пока надевает кроссовки и пальто, после чего выходит на крыльцо. Он закрывает за собой дверь и садится на ступени. Я сажусь рядом с ним, разглаживая юбку.

– Ну, в чем дело? – спрашивает он так, будто я отнимаю его драгоценное время.

Это неправильно. Я ожидала совсем другого.

Но чего именно я ожидала от Питера? Что отдам ему письмо, он его прочитает и снова полюбит меня? Заключит меня в свои объятия, и мы страстно поцелуемся, но просто поцелуемся, невинно? И что потом? Мы будем встречаться? Сколько пройдет времени, прежде чем ему станет со мной скучно и будет недоставать Женевьевы? Прежде чем он захочет

большего, нежели я готова ему дать, как в спальне, так и просто в жизни? Таким, как он, мало сидеть дома и смотреть фильм на диване. Как-никак, мы говорим о Питере Кавински.

Я так задумываюсь, увлекшись мысленным путешествием в будущее, что он спрашивает еще раз, на этот раз чуть теплее:

– Ну так что, Лара Джин?

Он смотрит на меня с таким видом, будто чего-то ждет, и мне становится страшно отдавать письмо.

Я сжимаю его в кулаке и запихиваю подальше в карман пальто. Руки леденеют. У меня нет ни перчаток, ни шапки. Наверное, мне лучше пойти домой.

– Я просто зашла сказать… что сожалею о том, как все обернулось. И… надеюсь, мы сможем остаться друзьями. И с Новым годом!

Питер щурится.

– С Новым годом? – переспрашивает он. – Ты это пришла сказать? Сожалею и *с Новым годом*?

– И что я надеюсь, что мы останемся друзьями! – добавляю я, закусив губу.

– Ты надеешься, что мы останемся друзьями? – повторяет он, и в его голосе слышатся нотки сарказма, которых я не понимаю, и мне это не нравится.

– Именно так.

Я начинаю вставать. Я надеялась, что он отвезет меня домой, но теперь не хочу даже спрашивать. А на улице так холодно! Может, если намекнуть… Дыша на руки, я говорю:

– Ну, мне пора домой.

– Погоди! Давай вернемся к извинениям. За что именно ты просишь прощения? За то, что выгнала меня из своего дома, или за то, что считала меня козлом, который всем вокруг рассказывает о том, как переспал с тобой, хотя этого не было?

У меня комок подступает к горлу. Когда он так говорит, это звучит действительно ужасно.

– И за то и за другое. Я за все хочу извиниться.

Питер склоняет голову набок, приподняв брови.

– А еще за что?

Я начинаю сердиться. *Еще за что?*

– Больше ни за что. Это все.

Слава богу, я не отдала ему письмо, раз он так себя ведет. Как будто мне одной есть за что извиняться.

– Слушай, ты сама пришла просить прощения и предлагать остаться друзьями. Но ты не можешь заставить меня принять твое недоделанное извинение.

– В любом случае желаю тебе счастливого Нового года! – Теперь я тоже говорю с сарказмом, и мне это нравится. – Всего тебе хорошего. Живи долго и счастливо, и все такое.

– Ладно. Пока!

Я разворачиваюсь. Утром я была полна надежд. У меня в глазах зажигались звезды, когда я представляла, как все пройдет. Боже, какой же Питер придурок! Скатертью ему дорога!

– Погоди!

Надежда запрыгивает мне в сердце, прямо как Джейми Фокс-Пикл, когда он забирается ко мне на кровать: быстро и без приглашения. Я оборачиваюсь, но всем своим видом говорю: «Ой, ну что еще тебе нужно?», чтобы Питер ничего не заметил.

– Что у тебя в кармане?

Я залезаю в карман рукой.

– Это? Да так, ничего. Рекламная листовка. Она лежала рядом с твоим почтовым ящиком. Не волнуйся, я по пути ее выброшу.

– Давай мне, я сам выброшу, – говорит он, протягивая руку.

– Нет. Говорю же, мне не сложно. – Я стараюсь затолкать конверт поглубже в карман, а Питер пытается выхватить его у меня из рук. Мне удается увернуться, и я сжимаю письмо изо всех сил. Он пожимает плечами, и я расслабляюсь, облегченно вздохнув. Тогда-то он и бросается вперед, вырвав у меня добычу.

– Питер, отдай! – кричу я, запыхавшись.

– Вскрытие чужой корреспонденции является федеральным преступлением! – говорит он беспечно, а потом смотрит на конверт. – Это же мне! От тебя!

В отчаянии я снова пытаюсь выхватить письмо, чего Питер не ожидает. Какое-то время мы боремся, и мне даже удается схватиться за уголок, но он не отпускает.

– Прекрати, ты его порвешь! – кричит он, освобождая конверт от моей хватки. Я пытаюсь тянуть сильнее, но слишком поздно. Он победил.

Питер держит письмо у меня над головой, открывает его и начинает читать. Какая же это пытка, стоять перед ним, смотреть и ждать. Чего ждать? Сама не знаю. Как будто мало мне унижений! Может, лучше просто уйти? Как же медленно он читает!

Наконец-то закончив, Питер спрашивает:

– Почему ты не стала мне его отдавать? Почему собиралась просто уйти?

– Не знаю. Потому что ты был не слишком рад меня видеть, – говорю я, и мой голос предательски дрожит.

– Да брось, я набивал себе цену! Глупышка, я все ждал, что ты мне позвонишь. Шесть дней прошло!

– О! – Я только и могу, что выдохнуть.

– О! – повторяет он, притягивая меня к себе за воротник пальто. Достаточно близко, чтобы поцеловать.

Он так близко, что я вижу пар, идущий у него изо рта. Так близко, что я могла бы сосчитать его ресницы, если бы захотела.

– Значит… я все еще тебе нравлюсь? – спрашивает он тихим голосом.

– Да, – шепчу я. – Вроде того.

Мое сердце бьется быстро-быстро. У меня кружится голова. Это сон? Если так, я не хочу просыпаться.

Питер смотрит на меня с выражением «*Признай уже, что я тебе нравлюсь*». Да, нравишься. Потом он мягко говорит:

– Ты же веришь, что я никому не говорил, будто мы занимались сексом в школьной поездке?

– Да.

– Хорошо. – Он делает вдох. – И еще… после того как я ушел в тот вечер, между тобой и Сандерсом что-нибудь было?

Он ревнует! Одна мысль об этом согревает меня, как горячий бульон. Я собираюсь сказать ему, что нет, конечно, но он быстро добавляет:

– Стой, не отвечай мне. Я не хочу знать.

– Нет! – говорю я твердо, чтобы он понял, насколько я серьезна.

Он кивает, но молчит.

Потом он наклоняется, и я закрываю глаза. Сердце трепещет в груди, будто крылья колибри. По сути, мы целовались всего четыре раза, и только один раз по-настоящему. Я хочу уже перейти к делу, чтобы больше не волноваться. Но Питер меня не целует. Не так, как я ожидала. Он чмокает меня в левую щеку, потом в правую. У него теплое дыхание. А потом – ничего. Мои глаза широко открываются. Что это за поцелуй такой? Почему он не может поцеловать меня как следует?

– Что ты делаешь? – шепчу я.

– Растягиваю предвкушение.

– Просто поцелуй меня уже! – говорю я нетерпеливо.

Он наклоняет голову, наши щеки соприкасаются, но вдруг открывается входная дверь, и на пороге появляется Оуэн, младший брат Питера. Он стоит, скрестив руки. Я отскакиваю от Питера, как будто только что узнала, что у него смертельная заразная болезнь.

– Мама хочет, чтобы вы зашли и угостились сидром, – заявляет Оуэн, ухмыляясь.

– Через минуту, – говорит Питер, притягивая меня обратно.

– Она сказала, сейчас! – настаивает Оуэн.

Господи! Я в панике смотрю на Питера.

– Я лучше пойду, пока папа не начал волноваться…

Он подталкивает меня к двери подбородком.

– Загляни на минутку, потом я отвезу тебя домой.

Когда я захожу в дом, парень снимает с меня пальто и тихо спрашивает:

– Неужели ты собиралась идти домой в этом платье? Пешком, по такому холоду?

– Нет, я планировала давить на жалость, чтобы ты меня подвез, – шепчу я в ответ.

– Что на тебе надето? – интересуется Оуэн.

– Так корейцы наряжаются на Новый год, – отвечаю я ему.

Мама Питера выходит из кухни с двумя дымящимися чашками. На ней длинный кашемировый кардиган, свободно подпоясанный на талии, и вязаные тапочки кремового цвета.

– Какая красота! – восхищается она. – Ты шикарно выглядишь! Очень ярко!

– Спасибо, – отвечаю я, смущенная вниманием.

Оуэн убегает на кухню, а мы втроем усаживаемся в гостиной. Кажется, я все еще красная из-за чуть не случившегося поцелуя и мысли о том, что мама Питера догадывается, чем мы занимались. Мне интересно, много ли ей известно о наших отношениях? Что именно Питер рассказывал ей, и говорил ли о нас вообще?

– Как ты провела Рождество, Лара Джин? – спрашивает меня его мама.

Я дую на горячую жидкость.

– Очень хорошо. Папа подарил моей сестренке щенка, и мы дрались из-за того, кто будет его держать. Еще из колледжа приехала моя старшая сестра, это просто замечательно. А как ваши праздники, миссис Кавински?

– О, чудесно! Очень спокойно, – она показывает на свои тапочки. – Смотри, что подарил мне Оуэн. А как праздничная вечеринка? Твоим сестрам понравилось печенье с изюмом, которое испек Питер? Я, если честно, его терпеть не могу.

Я удивленно смотрю на Питера, который вдруг начинает сосредоточенно изучать что-то в телефоне.

– Ты же говорил, их испекла твоя мама.

Миссис Кавински улыбается гордой улыбкой.

– О нет! Питер все сам сделал. Он был настроен очень решительно.

– А на вкус получились отбросы! – кричит Оуэн из кухни.

Его мама снова смеется, и потом наступает тишина. Я отчаянно перебираю в голове возможные темы для разговора. Может, планы на новый год? Или снежная буря, которую обещали на следующей неделе? От Питера никакой помощи: он снова уткнулся в телефон.

Миссис Кавински встает.

– Рада была тебя повидать, Лара Джин. Питер, не засиживайтесь допоздна.

– Не будем, – обещает он и поворачивается ко мне. – Я сейчас, только ключи возьму.

Когда Питер уходит, я говорю:

– Простите, что вот так заявилась в праздничный день. Надеюсь, я вам не помешала.

– Мы рады тебе в любое время.

Она наклоняется, кладет руку мне на колено и, одарив меня многозначительным взглядом, говорит:

– Просто будь осторожней с его сердцем. Это все, о чем я прошу.

У меня внутри все сжимается. Неужели Питер рассказал ей о том, что между нами случилось?

Похлопав меня по колену, женщина встает.

– Доброй ночи, Лара Джин.

– Доброй ночи, – отзываюсь я эхом.

Несмотря на ее теплую улыбку, я чувствую, что сделала что-то не так. В ее голосе я отчетливо услышала нотку упрека. «*Не тронь моего сына*», вот что она говорила. Неужели Питер был так расстроен из-за того, что между нами случилось? С виду не скажешь. Может, раздражен или слегка обижен, но не настолько, чтобы обсуждать это с мамой. Хотя, возможно, они очень близки. Только этого мне не хватало! Произвести плохое впечатление на маму Питера, еще даже не начав с ним встречаться.

На улице кромешная тьма, звезд на небе почти не видно. Похоже, скоро снова пойдет снег. Дома на всем первом этаже горит свет, а наверху – только в спальне Марго. Через дорогу, в окне дома мисс Ротшильд, светится маленькая рождественская елка.

Нам с Питером тепло и уютно в его машине. Из кондиционера дует теплый воздух.

– Ты рассказывал маме о том, как мы расстались? – спрашиваю я его.

– Нет. Ведь мы не расставались, – говорит он, выключая печку.

– Нет?

Он смеется.

– Нет, потому что мы даже не были вместе, так ведь?

«А теперь мы вместе?» – думаю я, но не задаю этого вопроса, потому что он обнимает меня за плечи и наклоняет мою голову к своей. Я снова нервничаю.

– Не волнуйся, – улыбается Питер.

Я быстро целую его, чтобы доказать, что совсем не волнуюсь.

– Поцелуй меня так, будто скучала по мне, – говорит он, и его голос слегка хрипит.

– Я скучала, – отвечаю я. – Я же написала в письме.

– Да, но…

Я целую его прежде, чем он успевает закончить. Как следует. Всерьез. Он уверенно отвечает на поцелуй. Такое чувство, что мы не виделись четыреста лет. И я больше ни о чем не думаю, а просто растворяюсь в его поцелуях.

3

После того как Питер меня высаживает, я бегу в дом, чтобы все рассказать Марго и Китти. Я чувствую себя кошельком, который вот-вот лопнет от золотых монет, и мне уже не терпится все выложить.

Китти смотрит телевизор, развалившись на диване, Джейми Фокс-Пикл устроился у нее на коленях. Когда я захожу в дом, она приподнимается и шепотом говорит:

– Гоу-Гоу плачет.

Мой энтузиазм мгновенно затухает.

– Что? Почему?

– Кажется, она ходила к Джошу, они поговорили, и все прошло не очень хорошо. Тебе лучше к ней заглянуть.

О нет! Все должно было закончиться совсем не так. Они должны были помириться, как мы с Питером.

Китти откидывается на диване с пультом в руках и чувством выполненного сестринского долга.

– А как у тебя прошло с Питером?

– Отлично, – признаюсь я. – Действительно отлично.

Я невольно расплываюсь в улыбке, но из солидарности с Марго тут же стираю ее с лица.

Я иду на кухню и завариваю ей чашку «Засыпай-чая» с двумя столовыми ложками меда. Мама часто поила нас им перед сном. Секунду я размышляю, не добавить ли туда немного виски: я видела это в каком-то сериале о викторианской эпохе. Чтобы успокоить нервы хозяйки поместья, горничная разбавляла ее чай алкоголем. Я знаю, Марго, как и все студенты, выпивает в колледже, но у нее и без того уже похмелье. Да и папа вряд ли одобрит такое чаепитие, так что я просто наливаю чай, без виски, в мою любимую кружку и велю Китти отнести его наверх. Я прошу ее быть очень милой, вручить Марго чай, а потом полежать с ней в обнимку как минимум пять минут. Китти упрямится, потому что на такие нежности она способна лишь тогда, когда ей что-то нужно. Или, скорее, она просто боится видеть Марго расстроенной.

– Я принесу ей Джейми, пусть с ним обнимается, – тут же находится Китти.

Вот эгоистка!

Когда я захожу к Марго в комнату, приготовив ей тосты с маслом и корицей, ни Китти, ни Джейми нигде не видно. Марго плачет, свернувшись на кровати.

– Все кончено, Лара Джин, – шепчет она. – Все и так было кончено, но теперь я знаю, что это навсегда. Я… я думала, что, если захочу к нему вернуться, он тоже захочет, но он… он не хочет.

Я ложусь рядом, мой лоб упирается ей в спину. Я чувствую каждый ее вдох. Она плачет в подушку, а я поглаживаю ее лопатки так, как она любит. Марго вообще-то никогда не плачет, поэтому при виде ее слез весь мой мир, весь наш дом переворачивается. Земля сходит с орбиты.

– Он говорит, что отношения на расстоянии – это слишком… сложно. Что я была права, когда порвала с ним. Но я так по нему скучала! А он, похоже, вообще обо мне не думал.

Я виновато закусываю губу. Это я подбила ее на разговор с Джошем. Это отчасти моя вина.

– Марго, он скучал по тебе. Скучал как сумасшедший. Я иногда выглядывала в окно во время французского, а он сидел на трибунах и ел свой ланч в полном одиночестве. Печальное было зрелище.

– Правда? – всхлипывает Марго.

– *Да*.

Я не понимаю, почему Джош так поступил. Он вел себя так, будто был влюблен в нее до беспамятства, чуть ли не в депрессию впал, когда она уехала. А теперь что?

– Я думаю, – говорит Марго со вздохом, – думаю, я до сих пор его люблю.

– Правда?

«*Люблю*». Марго сказала «люблю». Кажется, я еще ни разу не слышала, чтобы она говорила, что любит Джоша. Может, она говорила «влюблена», но точно не «люблю».

Марго вытирает глаза простыней.

– Я порвала с ним только затем, чтобы не быть одной из тех девчонок, которые рыдают из-за парня, а теперь именно это и делаю. Это глупо!

– Уж кого-кого, а тебя невозможно назвать глупой, – говорю я ей.

Марго перестает всхлипывать и переворачивается, теперь мы лежим лицом к лицу. Хмурясь, она произносит:

– Я и не говорю, что *я* глупая. Я говорю, что плакать из-за парня – глупо.

– Аа… – отвечаю я. – Что ж, я не думаю, что плакать из-за кого-то – глупо. Это лишь значит, что человек тебе не безразличен и что тебе грустно.

– Я так много плакала, что мои глаза сейчас, наверное, похожи на… на сморщенные изюминки. Это так? – щурится Марго.

– Они опухли, – признаю я. – Просто твои глаза не привыкли плакать. У меня есть идея!

Я вскакиваю с кровати и бегу вниз, на кухню. Насыпаю в миску лед, хватаю две серебряные ложки и быстро возвращаюсь.

– Ложись на спину! – командую я, и Марго подчиняется. – Закрой глаза.

Я прикладываю ложку к каждому глазу.

– Думаешь, это поможет? – спрашивает сестра.

– Да, если верить журналу.

Когда ложки нагреваются от ее кожи, я кладу их обратно в лед, а потом возвращаю на лицо, и так снова и снова. Марго просит меня рассказать, что случилось с Питером, и я рассказываю. Я опускаю эпизод с поцелуем, потому что некрасиво хвастаться перед человеком с разбитым сердцем. Марго садится и говорит:

– Только не притворяйся, что тебе нравится Питер, чтобы пощадить мои чувства. – Марго сглатывает, поморщившись, будто у нее болит горло. – Если в глубине души тебе все еще нравится Джош… если ты ему нравишься…

Я прихожу в ужас. Я открываю рот, чтобы все отрицать, чтобы сказать, что все эти чувства далеко в прошлом, но сестра жестом говорит мне молчать.

– Было бы тяжело, но я не хочу стоять у вас на пути, понимаешь? Я серьезно, Лара Джин. Можешь сказать мне.

Я очень рада и благодарна за то, что она подняла эту тему, и поспешно говорю:

– О боже, Гоу-Гоу, мне не нравится Джош! Не как парень. Совершенно. И я ему тоже как девушка не нравлюсь. Просто… думаю, просто мы оба очень по тебе скучали. Мне нравится Питер. – Под одеялом я нащупываю руку Марго и сцепляю наши мизинцы. – Даю слово сестры!

Она тяжело сглатывает.

– Значит, у него нет скрытой причины не возвращаться ко мне. Значит, он просто не хочет быть вместе.

– Нет, это значит, что ты в Шотландии, а он в Вирджинии, и что все очень сложно. Ты поступила мудро, порвав с ним перед отъездом. Мудро, смело и правильно.

На ее лице темной тенью проскальзывает сомнение, но она трясет головой, и ее взгляд проясняется.

– Хватит о нас с Джошем. Это уже в прошлом. Расскажи о Питере. Пожалуйста, так мне станет лучше.

Она снова ложится, и я возвращаю ложки ей на глаза.

– Ну, сегодня он был со мной очень холоден поначалу, такой безразличный…

– Нет, расскажи все с самого начала.

И я рассказываю. О наших притворных отношениях, о джакузи, обо всем. Время от времени Марго снимает ложки с глаз, чтобы многозначительно посмотреть на меня, пока я говорю. Вскоре ее глаза уже не выглядят такими опухшими, да и я чувствую себя легче, в голове проясняется. Я полгода скрывала от нее это, а теперь она знает обо всем, что случилось с момента ее отъезда, и я снова чувствую, как мы близки. Пока между нами были секреты, мы не могли быть близки по-настоящему.

Марго откашливается. Она колеблется, а потом спрашивает:

– Ну а как он целуется?

Я краснею и прикасаюсь пальцами к губам прежде, чем ответить:

– Целуется он… так, что ему должны за это платить.

Марго хихикает и поднимает ложки с глаз.

– Как парень-проститутка?

Я беру одну из ложек и бью ее по лбу, как в гонг.

– Ай! – она тянется за другой ложкой, но я оказываюсь быстрее и завладеваю обеими. Мы смеемся как сумасшедшие, пока я пытаюсь еще раз ударить ее по лбу.

– Марго… было больно, когда ты занималась сексом?

Я специально не упоминаю имя Джоша. Мне неловко, потому что мы с Марго никогда раньше не обсуждали секс, ведь никто из нас этим не занимался. Но теперь у нее есть опыт, а у меня нет, и я хочу знать все, что знает она.

– Хм. Ну, первые пару раз немного. – Теперь настает ее черед краснеть. – Лара Джин, я не могу с тобой об этом говорить. Это слишком странно. Может, спросишь Крис?

– Нет, я хочу послушать тебя. Пожалуйста, Гоу-Гоу. Расскажи мне все, чтобы я была готова. Я не хочу выглядеть дурой, когда это случится в первый раз.

– Как будто мы с Джошем только и делали, что занимались сексом! Я не эксперт. Он единственный, с кем это было. Но если ты собираешься заняться сексом с Питером, будь осторожна, не забудь о презервативе и все такое.

Я быстро киваю. Наконец-то она говорит что-то полезное.

– И будь в нем уверена. Настолько, насколько это возможно. Убедись, что он будет с тобой очень нежен и внимателен, чтобы первый раз был особенным и о нем остались бы только хорошие воспоминания.

– Ясно. А как долго это длится? От начала и до конца.

– Не так уж и долго. Не забывай, у Джоша это тоже был первый раз.

Марго задумывается, и я тоже не могу избавиться от мыслей. Питер столько раз делал это с Женевьевой, что, наверное, уже стал профессионалом. Возможно, я даже испытаю оргазм с первого раза. Это, конечно, замечательно, но было бы лучше, если бы мы оба не знали, что делаем, а не я одна.

– Ты ведь не жалеешь об этом?

– Нет. Думаю, нет. Я всегда буду рада, что сделала это с Джошем. Несмотря на то что все так закончилось.

И мне становится легче от того, что даже сейчас, с красными от слез глазами, Марго все равно не жалеет, что любила Джоша.

* * *

Я засыпаю в ее комнате, как в старые добрые времена, свернувшись рядом с ней под одеялом. У Марго самая холодная комната в доме, потому что находится прямо над гаражом. Я слушаю, как включается и выключается обогреватель.

Рядом со мной, в темноте, она говорит:

– Когда вернусь в колледж, буду встречаться с кучей шотландцев. Когда еще представится такая возможность?

– Нет, стой, – смеюсь я, поворачиваясь к ней лицом. – Зачем столько шотландцев? Пусть будет один англичанин, один ирландец и один шотландец. И один валлиец! Настоящий тур по Британской империи!

– Что ж, на то я и будущий антрополог, – соглашается Марго, и мы снова смеемся. – Знаешь, что меня больше всего расстраивает? Что мы с Джошем никогда уже не будем дружить, как раньше. Не после такого. Его уже не вернешь. А он был моим лучшим другом.

Я делаю широкие обиженные глаза, стараясь поднять ей настроение, чтобы она снова не расплакалась.

– Эй! Разве не я твой лучший друг?

– Ты мне не лучший друг. Ты моя сестра, а это гораздо большее.

Да, это *гораздо* большее.

– У нас с Джошем все начиналось так просто, так весело. А теперь мы с ним как чужие. Я лишилась человека, которого знала лучше кого-либо, и который так хорошо знал меня.

Сердце начинает покалывать. Когда она так говорит, звучит действительно печально.

– Вы еще можете стать друзьями. Через какое-то время.

Но я знаю, что отныне все будет по-другому. Ты всегда будешь тосковать по прошлому. Тебе всегда будет чего-то недоставать.

– Все будет не так, как раньше.

– Да, – соглашаюсь я, – все будет уже не так.

Как ни странно, я думаю о Женевьеве, о том, кто мы теперь друг для друга. Мы так хорошо дружили в детстве, но все изменилось, когда мы выросли. Видимо, нельзя держаться за прошлое только ради того, чтобы удержать его.

Похоже, это конец эпохи. Больше не будет «Марго и Джоша». Теперь уже навсегда. Я это знаю, потому что Марго плачет, и я слышу в ее голосе, что все кончено. В этот раз мы обе это понимаем. Все изменилось.

– Не позволяй этому случиться и с тобой, Лара Джин. Не окажись в таком положении, когда уже ничего не вернуть. Люби Питера, если хочешь, но будь осторожна со своим сердцем. Нам кажется, что любовь вечна, но это не так. Любовь может уйти, как и человек, даже не желая этого. Ничто не гарантировано.

Я сглатываю.

– Я буду осторожна, обещаю.

Но я даже не знаю, что это значит. Как можно быть осторожной, когда он мне так сильно нравится?

4

Марго со своей подругой Кейси уехала покупать новые ботинки, папа на работе, а мы с Китти лениво смотрим телевизор, когда у меня вибрирует телефон. Это сообщение от Питера. «Сходим вечером в кино?» Я пишу «Да!», затем удаляю восклицательный знак, чтобы не показаться слишком обрадованной. Но теперь сухое «да» выглядит лишенным энтузиазма. Я останавливаюсь на смайлике и нажимаю «отправить» прежде, чем успеваю окончательно зациклиться.

– С кем ты переписываешься? – спрашивает Китти, растянувшись на полу гостиной и уплетая пудинг. Джейми пытается облизнуть лакомство, но та качает головой и ругает его: – Ты же знаешь, тебе нельзя шоколад!

– Я переписываюсь с Питером. И, кстати, вместо шоколада там наверняка одна химия. Почитай этикетку.

Из всех нас Китти ведет себя с Джейми особенно строго. Она не берет его на руки, когда тот скулит, чтобы его подержали, и брызгает ему в мордочку водой, когда тот хулиганит. Этому сестренка научилась у нашей соседки через дорогу, мисс Ротшильд, которая оказалась настоящим дрессировщиком. Раньше у нее было три собаки, но после развода ей достался только золотистый ретривер Симон, а ее бывший муж получил право опеки над остальными двумя.

– Питер снова твой парень? – спрашивает меня Китти.

– Хм. Даже не знаю.

После вчерашних слов Марго о том, чтобы не торопиться, быть осторожной со своим сердцем и не оказаться в точке невозврата, я думаю, что какое-то время, может, даже лучше оставаться в состоянии неопределенности. К тому же как назвать то, у чего изначально не было названия? Мы были теми, кто делает вид, что они нравятся друг другу. Теми, кто притворяется парой. И кто мы теперь? Как бы все обернулось без притворства? Мы бы понравились друг другу? Стали бы встречаться? Этого мы уже никогда не узнаем.

– Что значит «даже не знаю»? – настаивает Китти. – Ты разве не должна быть в курсе, если ты чья-то девушка?

– Мы это еще не обсуждали. Ну, не официально.

– Значит, надо выяснить, – говорит Китти, переключая канал.

Я поворачиваюсь на бок и приподнимаюсь на локте.

– Но разве это что-то меняет? Я хочу сказать, мы же нравимся друг другу. Зачем навешивать какие-то ярлыки? Что изменится?

Китти не отвечает.

– Эй!

– Прости, давай поговорим после рекламы. Я пытаюсь телевизор смотреть.

Я бросаю в нее подушку.

– Мне проще обсудить это с Джейми, – говорю я, хлопая в ладоши. – Иди сюда, Джейми!

Щенок приподнимает голову, смотрит на меня и ложится обратно, примостившись под боком у Китти. Он наверняка все еще надеется на пудинг.

Вчера вечером, когда мы с Питером сидели в машине, статус наших отношений его совсем не волновал. Он выглядел счастливым и беззаботным, как всегда. А я постоянно беспокоюсь из-за пустяков. Думаю, мне бы в жизни пригодилось немного философии «плывущего по течению» Питера.

– Поможешь выбрать, в чем мне сегодня пойти в кино с Питером? – спрашиваю я Китти.

– А мне можно с вами?

– Нет!

Китти начинает дуться, и я спешу добавить:

– Может, в следующий раз.

– Хорошо. Покажи мне два варианта, и я скажу, какой из них лучше.

Я несусь к себе в комнату и начинаю рыться в шкафу. Это будет наше первое настоящее свидание, и я хочу его удивить. К сожалению, Питер уже видел все мои лучшие наряды, так что единственное спасение – это шкаф Марго. У нее есть вязаное кремовое платье, которое она привезла из Шотландии. Я могу надеть его с коричневыми сапожками. Также мой взгляд падает на ее фиолетово-голубой полосатый свитер, от которого я просто в восторге. Его можно надеть с желтой юбкой, а волосы повязать желтой лентой. И, разумеется, накрутиться, потому что Питер как-то сказал, что ему больше нравятся кудри.

– Китти! – зову я. – Иди сюда, выберешь из двух вариантов!

– Когда будет реклама! – кричит она в ответ.

Тем временем я пишу Марго:

«Можно одолжить твой полосатый свитер или вязаное кремовое платье?»

«Oui».

Китти голосует за свитер, заявив, что в нем я похожа на фигуристку, и мне нравится, как это звучит.

– Наденешь его, когда мы пойдем кататься на коньках, – говорит сестренка. – Ты, я и Питер.

– Хорошо, – смеюсь я в ответ.

5

Мы с Питером стоим в очереди за попкорном. Казалось бы, обыденная ситуация, но это лучшая обыденная ситуация из всего, что случалось в моей жизни. Я проверяю карманы, чтобы удостовериться, что мой надорванный билет никуда не делся. Я хочу его сохранить.

Глядя на Питера, я шепчу ему:

– Это мое первое свидание.

Я чувствую себя героиней фильма, где девочке-«ботану» достается самый классный парень в школе, и я совсем не возражаю. Нисколечко.

– Какое же это первое свидание, если мы с тобой уже много раз куда-то ходили?

– Это мое первое *настоящее* свидание. Раньше мы притворялись, а теперь все по-настоящему.

– Стой, так это по-настоящему? – хмурится он. – А я и не понял.

Я замахиваюсь, чтобы ударить его в плечо, но он со смехом перехватывает мою руку и переплетает свои пальцы с моими. Я чувствую, как сердце бьется прямо через ладонь. Мы впервые по-настоящему держимся за руки. Это совсем другое чувство, в отличие от тех раз, когда мы притворялись. Это как электрический ток, в хорошем смысле. В наилучшем смысле.

Очередь продвигается, и я понимаю, что волнуюсь. Это странно, ведь со мной просто Питер. Но теперь он другой Питер, а я – другая Лара Джин, потому что у нас свидание, настоящее свидание. Чтобы не молчать, я спрашиваю:

– Когда ты смотришь фильм, ты берешь шоколадные конфеты или жевательные?

– Никакие. Мне нужен только попкорн.

– Значит, мы обречены. Тебе не нравятся никакие конфеты, а я люблю и те и другие.

Мы подходим к кассе, и я начинаю доставать кошелек. Питер смеется.

– Думаешь, я позволю девушке платить на ее первом свидании? – Расправив грудь, он говорит кассиру: – Нам, пожалуйста, один средний попкорн с маслом, только масло положите слоями. А еще кислые тянучки и пачку шоколадных драже. И вишневую колу.

– Как ты узнал, что я хотела?

– Я гораздо внимательнее, чем ты думаешь, Кави.

Питер обнимает меня за плечи с самодовольной улыбкой и случайно задевает мою правую грудь.

– Ай!

Он сконфуженно смеется.

– Упс! Прости. Все нормально?

Я бью его локтем в бок, и он продолжает смеяться, пока мы подходим к залу. Тогда-то мы и замечаем, как из дамской комнаты выходят Женевьева и Эмили. Когда я в последний раз видела Женевьеву, она рассказывала всему автобусу о том, как мы с Питером занимались сексом в джакузи. Меня охватывает паника, из разряда «бей или беги».

Питер на секунду замедляет шаг, и я не знаю, что мы будем делать. Придется подойти и поздороваться? Или мы пройдем мимо? Питер обнимает меня крепче, и я чувствую, что он тоже колеблется. Его разрывает на части.

Женевьева решает за всех и проходит в зал, как будто она нас не заметила. В тот же зал, куда направлялись и мы. Я не смотрю на Питера, и он тоже ничего не говорит. Значит, мы просто будем делать вид, что ее здесь нет? Он проводит меня через те же двери и находит наши места. Крайние слева, в заднем ряду. Женевьева с Эмили сидят по центру. Я вижу ее светлые волосы и спину ее серого пальто, но заставляю себя не смотреть в ту сторону. Если Джен повернется, я не хочу, чтобы она поймала мой взгляд.

Мы садимся и, когда я снимаю пальто и удобно устраиваюсь в кресле, у Питера вибрирует телефон. Он вытаскивает его из кармана и тут же убирает. Я понимаю, что это Женевьева, но не хочу ничего спрашивать. Ее присутствие испачкало весь вечер, как след от укуса вампира уродует нежную шею.

Гаснет свет, и Питер обнимает меня за плечи. Интересно, мы весь фильм будем так сидеть? Я каменею и пытаюсь выровнять дыхание.

– Расслабься, Кави, – шепчет он мне на ухо.

Я пытаюсь, но невозможно расслабиться по команде, еще и при таких обстоятельствах. Питер сжимает мое плечо, наклоняется и утыкается носом мне в шею.

– Ты вкусно пахнешь, – говорит он тихим голосом.

Я смеюсь, не рассчитав громкость, и сидящий перед нами мужчина оборачивается с укоризненным взглядом. Пристыженная, я говорю Питеру:

– Прости, мне было щекотно.

– Ничего, – говорит он, не убирая руки с моих плеч.

Я улыбаюсь и киваю, а сама думаю: неужели он ждет, что во время фильма мы будем заниматься чем-то «таким»? Поэтому он выбрал места в последнем ряду, хотя еще оставались кресла по центру? Во мне зарождается паника. Здесь Женевьева! И полно народу! Может, мы и целовались в джакузи, но вокруг никого не было. И вообще, я просто хочу посмотреть фильм. Я наклоняюсь вперед, чтобы сделать глоток газировки, но на самом деле лишь для того, чтобы незаметно отодвинуться от Питера.

После фильма мы, не сговариваясь, спешим убраться из зала, чтобы снова не наткнуться на Женевьеву. Мы выбегаем из кинотеатра с такой скоростью, будто за нами гонится дьявол, хотя это отчасти правда. Питер голоден, но я так наелась конфет и попкорна, что не готова к ужину, поэтому предлагаю пойти в закусочную, где он поделится со мной своей картошкой фри. Но Питер говорит:

– Давай лучше сходим в настоящий ресторан, раз это твое первое свидание.

– Не знала, что в тебе сидит такой романтик, – парирую я шутливым тоном, но на полном серьезе.

– Привыкай! – отвечает он гордо. – Я умею обращаться с девушками.

Питер ведет меня в свой любимый ресторан «Бисквитная душа». Я смотрю, как он уплетает жареную курицу, политую горячим медом и «табаско», и думаю о том, сколько раз Женевьева сидела и смотрела, как он делает то же самое. Город у нас небольшой. Здесь нет такого места, где бы он уже ни был с Женевьевой. Отлучившись в туалет, я задаюсь вопросом, воспользуется ли он моим отсутствием, чтобы ответить на ее сообщение, но заставляю себя выкинуть эту мысль из головы как можно скорее. Ну и что, что он ей ответит? Они все еще друзья. Это нормально. Я не позволю Джен испортить мне вечер. Я хочу быть здесь, в этом моменте. Только мы вдвоем и наше первое свидание.

К моему возвращению Питер уже разделался со своей жареной курицей, оставив перед собой лишь гору грязных салфеток. У него есть привычка вытирать руки после каждого отправленного в рот кусочка. К его щеке прилипли мед и несколько хлебных крошек, но я ничего не говорю, потому что он выглядит очень мило.

– Ну, как прошло твое первое свидание? – спрашивает Питер, откидываясь на спинку стула. – Расскажи мне так, будто меня здесь не было.

– Мне понравилось, что ты знал, какие я люблю конфеты.

Он ободряюще кивает.

– И… мне понравился фильм.

– Да, это я понял. Ты постоянно на меня цыкала и показывала пальцем на экран.

– Мужчина перед нами начинал сердиться!

Я колеблюсь. Не знаю, стоит ли говорить то, что я хочу сказать. То, о чем я думала весь вечер.

– Слушай… мне одной кажется, что…

Он наклоняется ко мне с заинтересованным видом.

– Что?

Я делаю глубокий вдох.

– Что все это… немного странно. В смысле, сначала мы притворялись, а потом нет, а потом поссорились, и теперь мы здесь, и ты ешь жареную курицу. Мы как будто сделали все не в том порядке, и это круто, просто… как-то перевернуто.

И еще во время фильма ты пытался засунуть руку мне под свитер.

– Да, это немного странно, – признает Питер.

Я потягиваю сладкий чай, с облегчением отметив, что он не считает меня ненормальной из-за того, что я подняла эту тему.

Улыбнувшись, он говорит:

– Думаю, нам нужен новый контракт.

Я не могу понять, шутит он или говорит серьезно, поэтому решаю подыграть:

– И что будет написано в контракте?

– Первое, что приходит мне в голову… это то, что я буду звонить тебе каждый вечер перед сном. Ты согласишься приходить на все мои матчи по лакроссу. И иногда на тренировки. Я буду приходить к тебе домой на ужин. Ты будешь ходить со мной на вечеринки.

При упоминании вечеринок я корчу гримасу.

– Давай просто делать то, что хотим. Как раньше. – Внезапно у меня в голове раздается голос Марго. – Давай… просто хорошо проводить время.

Он кивает, теперь его очередь смотреть с облегчением.

– Да!

Мне нравится, что он не воспринимает все слишком серьезно. В других это может раздражать, но не в нем. Думаю, это одно из его лучших качеств. Наравне с лицом. На его лицо я могу смотреть целыми днями. Потягивая сладкий чай через соломинку, я поглядываю на Питера. Вообще-то контракт может нам пригодиться. Он оградит нас от возможных проблем и внесет долю ответственности. Марго бы мною гордилась.

Я вытаскиваю из сумочки маленький блокнот с ручкой и пишу вверху страницы: «*Новый контракт Лары Джин и Питера*».

Первым пунктом я записываю: «*Питер не будет опаздывать*».

Питер вытягивает шею, пытаясь прочитать вверх ногами.

– Погоди, что? «Питер не будет опаздывать?»

– Если ты обещаешь где-то быть, то будь там.

– Я *один раз* не пришел, а ты затаила обиду? – хмурится он.

– Ты всегда опаздываешь!

– Это не то же самое, что вообще не прийти.

– Постоянные опоздания – это проявление неуважения по отношению к тому, кто тебя ждет.

– Я тебя уважаю! Я уважаю тебя больше любой знакомой мне девушки.

– «Девушки»? – Я тычу в него пальцем. – Только девушки? Кого из парней ты уважаешь больше меня?

Питер запрокидывает голову и стонет так громко, что получается рык. Я тянусь через стол, над всей едой, хватаю его за воротник и целую, пока мы снова не поссорились. Хотя, стоит отметить, это была не обидная ссора, а скорее дружеские пререкания, благодаря которым мы впервые за вечер почувствовали себя самими собой.

Вот к чему мы пришли:

Питер не будет опаздывать больше чем на пять минут.
Лара Джин не будет заставлять Питера заниматься рукоделием.
Питер не обязан звонить Ларе Джин перед сном, но может, если захочет.
Лара Джин будет ходить на вечеринки, только когда захочет.
Питер будет подвозить Лару Джин всегда, когда она захочет.
Лара Джин и Питер всегда будут говорить друг другу правду.

Я хочу добавить к контракту еще кое-что, но боюсь поднимать эту тему сейчас, когда все идет так гладко.

Питер может дружить с Женевьевой, но должен быть честен с Ларой Джин по этому поводу.

Или, может, *Питер не будет врать Ларе Джин о Женевьеве*. Но это лишнее, потому что у нас уже есть пункт «всегда говорить друг другу правду». Хотя, если честно, такой пункт меня тоже не устраивает. На самом деле я хочу сказать: «*Питер всегда будет предпочитать Лару Джин Женевьеве*». Но я не могу такое сказать. Конечно же, не могу. Мне мало что известно об отношениях с парнем, но я знаю, что ревность и неуверенность всегда все портят.

Так что я решаю прикусить язык и не говорю того, что думаю. Остался лишь один очень серьезный момент, в котором я должна быть уверена.

– Питер?

– Да?

– Я не хочу… я не хочу, чтобы мы разбили друг другу сердце.

Питер непринужденно смеется, обхватив мое лицо своими ладонями.

– Ты планируешь разбить мне сердце, Кави?

– Нет. И я уверена, что ты не собираешься разбивать мое, но этого никто не планирует.

– Тогда впиши это в контракт. Питер и Лара Джин обещают не разбивать друг другу сердце.

Я улыбаюсь ему, испытывая несказанное облегчение, и записываю: *Лара Джин и Питер не разобьют друг другу сердце.*

6

В последний день каникул мы с Китти лежим на моей кровати и смотрим на компьютере смешные видео с животными. Наш щенок Джейми Фокс-Пикл свернулся комочком у подножия кровати. Китти завернула его в свое старое детское одеяльце так, что оттуда выглядывает только его мордочка. Щенку что-то снится, это видно по тому, как он часто вздрагивает. Но я не могу понять, хороший это сон или плохой.

– Может, нам тоже снимать Джейми на видео? – спрашивает меня Китти. – Он ведь достаточно милый, да?

– Он, конечно, симпатяга, но у него нет никакого особенного таланта или причуд.

Стоит мне произнести слово «причуда», как я сразу вспоминаю Питера и его слова о том, что я «милая в причудливом смысле». Интересно, он до сих пор так обо мне думает? Говорят, чем дольше вам кто-то нравится, тем красивее он вам кажется, даже если раньше вы так не считали.

– У Джейми есть фишка. Например, он иногда скачет по комнате, как маленький олененок, – напоминает мне Китти.

– Хм. Я бы не назвала это его «фишкой». Это не то же самое, что запрыгивать в картонные коробки, играть на пианино или делать ужасно сердитую морду.

– Мисс Ротшильд поможет мне его выдрессировать. Она считает, у него подходящий характер для трюков.

Китти включает следующее видео про собаку, которая воет, когда играет «Триллер» Майкла Джексона. Мы с Китти сгибаемся от смеха и смотрим еще раз.

После видео, на котором кот оборачивается вокруг женщины, как шарф, я говорю:

– Погоди-ка! А ты домашнее задание сделала?

– Мне надо было только прочитать книгу.

– Ты ее прочитала?

– Почти, – пожимает плечами Китти, устраиваясь ближе ко мне.

– У тебя были целые рождественские каникулы, чтобы ее прочитать, Китти!

Мне бы хотелось, чтобы Китти любила читать так же сильно, как мы с Марго. Но она предпочитает телевизор. Я останавливаю видео и резко захлопываю ноутбук.

– Никаких больше видео про животных! Иди дочитывай книгу.

Я начинаю сталкивать Китти с кровати, но она хватается за мою ногу.

– Ах, матушка, не выгоняйте вон! – говорит она гордо. – Это Шекспир. «*Ромео и Джульетта*», если ты вдруг не читала.

– Не выделывайся, будто читала Шекспира. Я видела, как ты смотрела фильм по телевизору.

– Какая разница, читала я или смотрела фильм? Мораль все равно одна.

Китти снова забирается ко мне. Я глажу ее по волосам.

– И какова же мораль?

– Не убивай себя из-за парня.

– Или из-за девушки.

– Или из-за девушки, – соглашается она и открывает мой ноутбук. – Еще одно видео про кошек, и пойду читать.

Мой телефон гудит. Это сообщение от Крис.

Зайди в Инстаграм Анонимки, СЕЙЧАС ЖЕ!

Анонимка – это безымянный профиль в Инстаграме, на котором выкладывают скандальные фотографии и видео всех, кого застукают на вечеринке пьяными в стельку или занимающимися сексом. Никто не знает, кто ведет страничку, но любой житель нашего городка может прислать туда материал. В прошлом году стала популярной фотография девчонки из другой школы: она показывала грудь полицейской машине. Я слышала, что за это ее исключили.

Мой телефон снова гудит.

СКОРЕЕ!

– Погоди, Китти, дай я кое-что посмотрю, – говорю я, ставя видео на паузу, и вбиваю адрес. – Если хочешь остаться здесь, закрой глаза, пока я не разрешу их открыть.

Китти подчиняется.

В последнем посте от Анонимки – видео, где парень с девушкой обжимаются в джакузи. Анонимка особенно славится своими видео из джакузи и помечает их тэгом #страстибурлят. Изображение немного зернистое, как будто снимали издалека, сильно приблизив. Я включаю видео. Девушка сидит у парня на коленях, накрыв его своим телом, ее ноги оплелись вокруг его талии, руки – вокруг шеи. На ней красная ночная рубашка, которая вздувается на воде, как парус. Парня за ней совсем не видно. Концы ее длинных волос опускаются в джакузи, будто кисть для каллиграфии – в чернила. Парень водит руками по ее спине, словно играет на виолончели.

Я так заворожена, что сначала не замечаю, что Китти смотрит вместе со мной. Мы обе склонили головы, пытаясь разобрать, что именно происходит на видео.

– Тебе нельзя это смотреть! – говорю я.

– Они делают это? – спрашивает Китти.

– Из-за ночной рубашки сложно сказать.

Но вполне возможно.

Потом девушка дотрагивается до щеки парня, и в этом движении, в том, как она касается его, будто читает шрифт Брайля, есть что-то знакомое. По затылку пробегает холодок, и меня сбивает с ног *взрыв* осознания, позорное узнавание.

Это же я! Мы с Питером, в джакузи во время школьной поездки.

О боже!

Я кричу.

Прибегает Марго, на ней корейская маска для лица с дырочками для глаз, носа и рта.

– Что? *Что*?

Я пытаюсь прикрыть экран рукой, но она сбрасывает ее, а потом тоже вскрикивает. Ее маска отваливается.

– Боже мой! Это ты?

О боже, о боже, о боже.

– Не давай Китти смотреть! – кричу я.

Китти округляет глаза.

– Лара Джин, я думала, ты приличная девочка!

– Так и есть! – кричу я.

Марго сглатывает.

– Это… вы как будто…

– Да! Не говори этого!

– Не волнуйся, – утешает меня Китти. – Я и не такое видела даже по обычным каналам, не говоря уже о кабельных.

– Китти, иди в свою комнату! – кричит Марго.

Китти хнычет и цепляется за меня.

Я не верю своим глазам. Описание гласит: *Пай-девочка Лара Джин занимается горячим сексом в джакузи с Кавински. Разве презервативы спасают под водой? Что ж, скоро узнаем;)* В комментариях в основном смайлики с широко раскрытыми глазами и всякие «ржунемогу». Некая Вероника Чен написала: «*Вот шлюха! Она азиатка?*» Я даже не знаю, кто такая Вероника Чен!

– Кто мог так со мной поступить? – взвываю я, прижимая ладони к щекам. – Я лица не чувствую! Мое лицо все еще мое лицо?

– Что это за Анонимка? – требовательно спрашивает Марго.

– Никто не знает, – говорю я, и в моих ушах стоит такой рев, что я едва слышу собственный голос. – Все просто репостят ее записи. Или его. Я не слишком громко говорю?

Я в шоке. Я не чувствую ни рук, ни ног. Я сейчас упаду в обморок. Неужели это происходит? Это моя жизнь?

– Видео нужно немедленно удалить! Есть какая-нибудь горячая линия для запрещенного материала? Я заявлю куда следует!

Марго выхватывает у меня компьютер и щелкает на кнопку «пожаловаться на непристойное содержание». Просматривая комментарии на странице, она вскипает:

– Какие же люди ничтожества! Надо связаться с адвокатом. Так быстро видео не уберут.

– Нет! – вскрикиваю я. – Я не хочу, чтобы папа это увидел!

– Лара Джин, дело очень серьезное. Ты же не хочешь, чтобы члены приемных комиссий колледжей, вводя в поисковик твое имя, натыкались на это видео? Или, например, будущие работодатели…

– Гоу-Гоу! Мне от твоих слов сейчас только хуже!

Я хватаю телефон. Питер. Он будет знать, что делать. Сейчас пять часов, а значит, он еще на тренировке. Я даже позвонить ему не могу, поэтому пишу сообщение:

СРОЧНО ПОЗВОНИ!

Затем я слышу папин голос, доносящийся с лестницы:

– Картошка сама собой в пюре не превратится! Кто мне поможет?

О господи! Как я буду сидеть за ужином и смотреть папе в глаза, зная о существовании этого видео? Я не могу поверить, что это моя жизнь.

Марго и Китти переглядываются, а потом смотрят на меня.

– Папе ничего не говорить! – шепчу я им сквозь зубы. – Это тебя касается, Китти!

Она смотрит на меня так, будто я ранила ее чувства.

– Я знаю, когда нужно держать рот на замке.

– Прости, прости, – бормочу я.

Сердце бьется так быстро, что начинает болеть голова. Я больше не могу мыслить здраво.

За ужином мой желудок переворачивается, и я с трудом проглатываю несколько ложек пюре. К счастью, Марго и Китти отвлекают папино внимание и поддерживают беседу, так что мне не приходится говорить. Я только вожу вилкой по тарелке и украдкой скармливаю свой ужин Джейми Фокс-Пиклу. Как только все заканчивают есть, я пулей несусь наверх и проверяю телефон. От Питера до сих пор ничего. Только новые сообщения от Крис и одно от Хэйвен.

ОМГ, это ты?

Я не знаю, кто эта девушка на видео. Я не узнаю в ней себя. Я совсем не так себя вижу. Это совершенно другой человек, не имеющий ко мне никакого отношения. Я не из тех, кто залезает в джакузи с парнями, сидит у них на коленях и страстно целует их в прилипшей к телу мокрой ночнушке. Но это действительно я. Просто видео не говорит всей правды.

Я повторяю себе, что на самом деле мы не занимаемся там сексом. Я не голая. На видео просто *кажется*, что я голая. Я не могу перестать думать о том, что вся школа посмотрела эти кадры; видео, на котором оказался запечатлен самый интимный и романтический момент моей жизни. А ведь кто-то его снимал! Кто-то был там. Эти воспоминания должны были принадлежать только нам с Питером, но оказалось, что с нами был какой-то затаившийся в лесу Подглядывающий Том. Это больше не наше воспоминание. Его опошлили, теперь оно кажется вульгарным. В тот миг я чувствовала себя свободной, безрассудной, даже немного сексуальной. Да, я впервые в жизни чувствовала себя сексуальной. А теперь я просто хочу исчезнуть.

Я лежу на кровати, уставившись в потолок; телефон лежит рядом. Марго и Китти запретили мне пересматривать видео. Они пытались забрать у меня телефон, но я сказала, что буду ждать звонка от Питера. Я бросаю беглый взгляд на страницу с видео: там уже больше ста комментариев. Дело плохо.

Китти играет на полу с Джейми Фокс-Пиклом, а Марго пишет в службу поддержки Инстаграма, когда ко мне в окно стучится Крис. Марго ей открывает, и Крис забирается в комнату: она дрожит, щеки порозовели.

– Как она держится?

– Думаю, она в шоке, – говорит Китти.

– Я не в шоке, – отвечаю я.

Хотя, может, и так. Может, это шок. Такое странное, сюрреалистичное ощущение, как будто я онемела, но при этом все мои чувства обострены.

– Почему ты не могла зайти через входную дверь, как все нормальные люди? – спрашивает Марго Крис.

– Никто не открывал, – Крис стаскивает ботинки, садится на пол рядом с Китти и начинает гладить Джейми. – Итак. Во-первых, там и не разберешь, что это ты. Во-вторых, видео такое горячее, что тут и стыдиться нечего. Я хочу сказать, что ты потрясно выглядишь.

Марго издает звук отвращения.

– Это настолько не в тему, что я даже не знаю, с чего начать.

– Я просто говорю по-честному. Объективно оно, конечно, паршиво, но не менее объективен тот факт, что Лара Джин выглядит на видео просто потрясающе.

– Ты же говорила, там не видно, кто это! – замечаю я, забираясь под одеяло. – Не зря мне так не хотелось в эту поездку! Терпеть не могу джакузи! Как я могла добровольно залезть в джакузи?

– Эй, скажи спасибо, что ты была в ночнушке, – откликается Крис. – Ты могла бы быть голой.

Я высовываю голову из-под одеяла и смотрю на нее.

– Голой – никогда!

– «Голой никогда»! – фыркает Крис. – Ты знаешь, что есть такое движение? Так себя называют те, кто постоянно ходит в одежде. Они даже душ принимают в джинсовых шортах.

Я ложусь на бок, отвернувшись от Крис.

Кровать прогибается, когда ко мне залезает Марго.

– Все будет хорошо, – говорит она, стягивая с меня одеяло. – Мы заставим их удалить видео.

– И что с того? – говорю я. – Его уже все видели. Теперь меня считают шлюхой.

Крис щурится.

– Ты считаешь, что если девушка занималась сексом в джакузи, то она обязательно шлюха?

– Нет, я так не считаю. Так считают другие.

– А как *ты* считаешь? – спрашивает Крис.

Я смотрю на Китти, которая заплетает волосы Крис в маленькие косички. Она сидела так тихо, что мы не заметили, что она здесь, и забыли ее выгнать.

– Я думаю, что, если ты готова и хочешь этого, и предохраняешься, то все хорошо и ты можешь делать все, что хочешь.

– Общество привыкло стыдить женщин за то, что они получают удовольствие от секса, и восхвалять мужчин, – говорит Марго. – Заметьте, в комментариях все только и знают, что обзывают Лару Джин шлюхой, но никто ничего не говорит о Питере. А ведь он тоже здесь, с ней. Такой двойной стандарт просто смешон!

Я об этом не думала.

Крис смотрит в телефон.

– Пока мы здесь сидим, уже три человека переслали мне это видео.

Я всхлипываю, а Марго говорит:

– Крис, это не помогает, совсем! – потом она обращается ко мне. – Если люди будут что-то говорить, не обращай на них внимания. Ты выше этого.

– Или пользуйся ситуацией, – предлагает Крис.

– Никто ничего не скажет Ларе Джин, потому что она девушка Питера, – добавляет из-за ее спины Китти. – Это значит, она под его защитой. Как в «*Клане Сопрано*».

– Господи, ты смотришь «*Клан Сопрано*»? – восклицает Марго в ужасе. – Где ты увидела «*Клан Сопрано*»? Его больше не показывают по телевизору.

– Я смотрю через Интернет. Я уже на третьем сезоне.

– Китти! Не смотри это больше! – Марго закрывает глаза и качает головой. – Неважно. Сейчас у нас другие проблемы, а об этом позже поговорим. Китти, Ларе Джин не нужен парень, чтобы ее защищать.

– Нет, Китти права, – возражает Крис. – И дело не в том, что Питер парень. То есть не только в этом. Дело в том, что он популярен, а она – нет. Здесь его защита имеет значение. Без обид, Эл-Джи.

– Да, ерунда, – говорю я.

Немного обидно, конечно, но это правда. К тому же сейчас не время расстраиваться из-за таких пустяков. Это ничто по сравнению с так называемым секс-видео.

– А что обо всем этом говорит Кавински? – спрашивает меня Крис.

– Пока ничего. Он еще на тренировке.

Мой телефон тут же начинает гудеть, и мы переглядываемся с широко раскрытыми глазами. Марго берет его и смотрит на экран.

– Это Питер! – Сестра бросает мне телефон. – Давайте их оставим, – говорит она, толкая Крис, но та лишь пожимает плечами.

Я игнорирую их обеих и отвечаю на звонок.

– Привет. – Мой голос тонкий, как тростинка.

– Так, я видел запись, и первое, что я тебе скажу, – не психуй.

Он тяжело дышит и говорит так, будто бежит, очень быстро.

– Не психовать? Каким образом? Это ужасно! Ты знаешь, что все пишут обо мне в комментариях? Что я шлюха! Питер, все думают, что на видео мы занимаемся сексом!

– Никогда не читай комментарии, Кави! Это первое правило…

– Если ты скажешь «Бойцовского клуба», я брошу трубку.

– Прости. Ладно, да, ситуация отстой, но…

– Это не отстой! Это настоящий кошмар! Такой личный момент выставили на всеобщее обозрение. Я полностью унижена! И то, что все говорят…

Мой голос срывается. Китти, Марго и Крис смотрят на меня грустными глазами, от чего мне становится еще паршивее.

– Не плачь, Лара Джин! Пожалуйста, не плачь! Обещаю, я все исправлю. Я заставлю того, кто ведет эту страничку, удалить видео.

– Как? Мы даже не знаем, кто это! К тому же, я уверена, его уже видела вся школа. Включая учителей. Я точно знаю, что они тоже просматривают Анонимку. Я как-то была в учительской и слышала, как мистер Филлип и мисс Райан жаловались на то, что эта страничка выставляет нашу школу в дурном свете. А если нас увидят члены приемной комиссии и будущие работодатели?

– Будущие работодатели? – хохочет Питер. – Кави, бывало и похуже. Черт, да там полно *моих* фотографий, куда более ужасных. Помнишь ту, где я лежу без штанов головой в унитазе?

Я вздрагиваю.

– Я никогда не видела этой фотографии. К тому же ты – это одно дело, а я – совсем другое. Я такими вещами не занимаюсь.

– Просто доверься мне, ладно? Обещаю, я обо всем позабочусь.

Я киваю, хоть и знаю, что он меня не видит. У Питера есть влияние. Если кто и может все исправить, то это он.

– Слушай, мне пора. Тренер устроит мне взбучку, если увидит с телефоном. Я перезвоню тебе вечером, ладно? Не засыпай.

Я не хочу вешать трубку. Я бы хотела поговорить подольше.

– Ладно, – шепчу я.

Когда я кладу трубку, на меня смотрят три пары глаз – Марго, Крис и Китти.

– Ну? – спрашивает Крис.

– Он сказал, что обо всем позаботится.

– Я же говорила! – Китти самодовольно улыбается.

– Что значит «он обо всем позаботится»? – интересуется Марго. – Пока что он проявил себя довольно-таки безответственным.

– Он не виноват, – говорим мы с Китти одновременно.

– О, я точно знаю, кто во всем виноват! – восклицает Крис. – Моя двоюродная сестра из ада.

У меня перехватывает дыхание.

– Что? Почему?

Она одаривает меня скептическим взглядом.

– Потому что ты увела ее парня.

– Женевьева сама изменила Питеру! Поэтому они и расстались. Я тут ни при чем.

– Да какая разница? – Крис встряхивает головой. – Брось, Лара Джин! Помнишь, что она сделала с Джамилой Синх? Рассказывала всем, что ее семья держит раба из Индонезии только потому, что у бедняжки хватило смелости встречаться с Питером сразу после их разрыва. Я просто говорю, что Джен не упустила бы случая выкинуть подобную гадость.

В поездке Женевьева говорила, что знает о поцелуе, а значит, в какой-то момент их отношений Питер ей все рассказал. И он наверняка забыл упомянуть, что поцеловал меня первым, а не наоборот. Тем не менее мне сложно поверить, что она могла так жестоко со мной поступить. Джамила Синх и Женевьева всегда недолюбливали друг друга. Но мы с Джен когда-то были лучшими подругами. Да, мы почти не разговаривали последние несколько лет, но Джен всегда чтила старую дружбу.

Нас наверняка застукал какой-нибудь болван, тусующийся в комнате отдыха, или, может… Не знаю. Это мог быть кто угодно!

– Я никогда ей не доверяла, – говорит Марго. – Без обид, Крис. Хоть она и твоя двоюродная сестра.

– На что тут обижаться? – фыркает Крис. – Я ее терпеть не могу.

– И я уверена, что это она поцарапала бабушкину машину своим велосипедом, – говорит Марго. – Помнишь, Лара Джин?

Вообще-то это сделала Крис, но я молчу. Крис начинает кусать ногти, в панике поглядывая на меня, так что я говорю:

– Не думаю, что видео выложила Женевьева. Это мог быть кто угодно, кто нас случайно увидел.

– Не волнуйся, Лара Джин. – Марго обнимает меня за плечи. – Мы заставим их удалить видео. Ты несовершеннолетняя.

– Включи его еще раз, – прошу я.

Китти ставит видео на начало и нажимает «воспроизвести». У меня щемит сердце каждый раз, когда я на это смотрю. Я закрываю глаза, чтобы не видеть. Слава богу, что слышны только звуки леса и бурление воды в джакузи.

– Там… там все настолько плохо, как мне кажется? В смысле, все действительно выглядит так, будто мы занимаемся сексом? Только честно.

Я открываю глаза. Марго смотрит в экран, склонив голову.

– Нет, вовсе нет. Это, скорее…

– Очень горячий поцелуй, – добавляет Крис.

– Точно! – соглашается Марго. – Просто очень горячий поцелуй.

– Клянетесь?

– Клянемся! – говорят они в унисон.

– Китти? – спрашиваю я сестренку.

Она закусывает губу.

– На мой взгляд, похоже на секс. Но я здесь единственная, кроме тебя, кто никогда не занимался сексом, так что откуда мне знать?

Марго ахает.

– Прости, я читала твой дневник.

Марго шлепает ее, а Китти быстро уползает, словно краб.

Я делаю глубокий вдох.

– Ладно, с этим я смогу жить. Кому есть дело до горячего поцелуя, да? Это часть жизни, так ведь? И моего лица там даже не видно. Нужно хорошо меня знать, чтобы понять, что это я. Моего полного имени здесь тоже нет, только Лара Джин. В мире, должно быть, полно Лар Джин, так ведь? Да?

Марго восхищенно кивает.

– Я никогда не видела, чтобы кто-то так быстро прошел через все пять стадий горя. У тебя потрясающие способности к адаптации.

– Спасибо, – говорю я, довольная собой.

Но потом, в темноте, когда мои сестры и Крис уходят, мы с Питером желаем друг другу спокойной ночи и он в миллионный раз уверяет меня, что все будет хорошо, я снова захожу в Инстаграм и читаю комментарии. Это конец.

Я спросила Питера, кто, по его мнению, выложил видео. Он сказал, что не знает. Какой-нибудь жалкий озабоченный болван, вот как он выразился. Я не сказала Питеру то, о чем думала. То, что никак не выходит у меня из головы. Неужели это сделала Женевьева? Могла ли она настолько меня ненавидеть, чтобы причинить мне такую боль?

Я вспоминаю тот день, когда мы обменялись браслетами дружбы. «Это значит, что мы лучшие подруги, – сказала она мне. – Мы с тобой самые близкие друг другу люди».

«А как же Элли»? – спросила я. Мы всегда дружили втроем, хотя Женевьева чаще бывала у меня дома, но лишь потому, что мама Элли не разрешала приводить в гости мальчиков и сидеть в Интернете.

«Мне нравится Элли, но ты мне нравишься больше», – сказала она, и я почувствовала себя виноватой, но при этом – удостоенной особой чести. Я нравилась Женевьеве больше всех! Мы были близки, ближе, чем с кем-либо еще. Браслеты были тому доказательством. Как легко меня было купить каким-то сплетенным из ниток браслетом.

7

На следующее утро я собираюсь в школу особенно тщательно. Крис посоветовала мне воспользоваться ситуацией, что значит одеться в стиле посмотрите-на-меня. Марго сказала, что я должна быть выше этого, тут уже понадобится что-то взрослое, вроде узкой юбки или моего зеленого вельветового пиджака. Но мой инстинкт кричит: не выделяйся, не выделяйся, не выделяйся. Свободный свитер, больше похожий на покрывало, легинсы и коричневые ботинки Марго. Я бы надела бейсболку, если б могла, но в школе нельзя носить головные уборы.

Я делаю себе миску хлопьев с кусочками банана, но через силу съедаю лишь несколько ложек. Я слишком волнуюсь. Марго замечает это и кладет мне в сумку ореховый батончик, на потом. Мне повезло, что она все еще здесь и так обо мне заботится. Завтра она возвращается в Шотландию.

Папа кладет ладонь мне на лоб.

– Ты не заболела? Ты и за ужином вчера почти ничего не съела.

Я мотаю головой.

– Просто живот болит. У меня скоро месячные.

Мне достаточно произнести волшебное слово «месячные», чтобы папа больше ни о чем не спрашивал.

– А… – говорит он, мудро кивая. – Поешь хоть немного и выпей две таблетки ибупрофена, чтобы они были у тебя в организме.

– Хорошо, – отвечаю я.

Мне неудобно врать, но эта крошечная ложь для его же блага. Он не должен узнать об этом видео, никогда.

В кои-то веки Питер подъезжает к нашему дому вовремя. Он всерьез решил придерживаться контракта. Марго провожает меня до двери и говорит:

– Просто держи голову выше, ладно? Ты не сделала ничего плохого.

Как только я сажусь в машину, Питер наклоняется и целует меня в губы, что до сих пор почему-то кажется неожиданным. Он застает меня врасплох, поэтому я случайно кашляю ему в рот.

– Прости, – говорю я.

– Ничего, – отвечает он, как всегда мягко.

Питер кладет руку на спинку моего сиденья и разворачивает машину. Потом он бросает мне свой телефон.

– Проверь Анонимку.

Я открываю Инстаграм и нахожу страницу Анонимки. Я вижу фотографию, которая была под нашим видео: парень лежит в отключке, а у него на лице перманентным маркером нарисованы пенисы. Теперь это первый пост. Я ахаю. Видео с джакузи больше нет!

– Питер, как ты это сделал?

Питер самодовольно улыбается.

– Я написал вчера Анонимке и велел убрать это дерьмо, пока мы не подали в суд. Я сказал, что мой дядя юрист, а мы с тобой оба несовершеннолетние.

Он сжимает мое колено.

– Твой дядя правда юрист? – спрашиваю я.

– Нет. У него пиццерия в Нью-Джерси.

Мы оба смеемся, и это такое счастье.

– Слушай, ни о чем сегодня не волнуйся. Если кто-нибудь что-нибудь скажет, я каждому морду набью.

– Мне просто интересно, кто это сделал. Я могла бы поклясться, что в тот вечер мы были одни.

Питер качает головой.

– Мы не сделали ничего плохого! И вообще, кому какое дело, что мы целовались в джакузи? Кого касается, был ли у нас секс? – Я хмурюсь, и парень быстро добавляет: – Знаю, знаю. Ты не хочешь, чтобы люди думали, что мы делали что-то, чего мы не делали. Ничего не было, именно так я и сказал Анонимке.

– Для парней все совсем не так, как для девушек, Питер.

– Знаю. Не сердись. Я выясню, кто это сделал.

Он смотрит вперед с таким серьезным видом, что сам на себя не похож. От всех этих добрых намерений у него прямо-таки благородный профиль.

О, Питер! Зачем ты такой красивый? Не будь ты красивым, я бы никогда не оказалась с тобой в джакузи. Ты во всем виноват! Хоть это и не так. Ведь я сама разулась, сняла носки и залезла в воду. Я тоже этого хотела. Но мне приятно, что он относится ко всему так же серьезно, как и я, пишет гневные письма от нашего имени. Я знаю, что Женевьева не стала бы волноваться из-за такой ерунды. У нее никогда не было проблем с демонстрацией чувств на людях, она была бы только рада оказаться в центре внимания. А мне это важно, и я очень переживаю.

Питер поворачивает голову и смотрит на меня, изучая мои глаза, мое лицо.

– Ты ведь об этом не жалеешь, Лара Джин?

Я мотаю головой.

– Нет, не жалею.

Он улыбается мне так нежно, что я не сдерживаюсь и улыбаюсь в ответ.

– Спасибо, что заставил их убрать видео ради меня.

– Ради нас, – поправляет Питер. – Я сделал это ради нас.

Наши пальцы переплетаются.

– Только ты и я, малыш.

Я сжимаю его руку. Если мы оба будем держаться достаточно крепко, то все будет хорошо.

* * *

Когда мы вдвоем идем по коридору, девчонки шепчутся, а парни посмеиваются. Кто-то из команды по лакроссу подбегает и пытается «дать пять» Питеру, но тот недовольно отмахивается.

Когда я остаюсь у шкафчиков одна и достаю учебники, ко мне подходит Лукас.

– Я не стану ходить вокруг да около, – говорит он. – Лучше просто спрошу. Та девушка на видео – действительно ты?

Чтобы успокоиться, я делаю глубокий вдох.

– Это я.

Лукас тихо присвистывает.

– Черт!

– Да.

– Так что… вы с ним… это…

– Нет, вовсе нет! Никаких «*это*».

– Почему нет?

Меня смущает его вопрос, хоть я и знаю, что стесняться здесь нечего. Просто я никогда не была в таком положении, чтобы обсуждать мою интимную жизнь, потому что кому могло бы прийти в голову что-то у меня спросить?

– Нет, потому что нет. Никаких особых причин, не считая того, что я еще не готова и не знаю, готов ли он. Мы это даже не обсуждали.

– Да, но он вроде как не девственник. Такое даже представить сложно! – Лукас округляет свои небесно-голубые ангельские глаза, чтобы подчеркнуть сказанное. – Я знаю, что ты невинна, Лара Джин, но Кавински – точно нет. Я говорю тебе это как парень.

– Не понимаю, какое это имеет ко мне отношение, – бормочу я, хоть и сама постоянно думала и беспокоилась на этот счет.

У нас с Питером как-то был разговор на эту тему, о том, что парень и девушка, которые долго встречаются, по определению должны заниматься сексом, но я не помню, говорил ли он, что сам думает по этому поводу. Надо было слушать внимательнее.

– В общем, только потому что они с Женевьевой делали это как… как дикие кролики или кто там еще… – Лукас смеется над этим, и я его щиплю. – Только потому, что они это делали, не значит, что мы автоматически тоже, или что мы автоматически этого хотим.

Так ведь?

– Он определенно хочет.

Я сглатываю.

– Что ж, тогда все очень плохо и печально. Но, если честно, я так не думаю.

В этот момент я решаю, что наши с Питером отношения будут похожи на запекающуюся грудинку. Медленные и постепенные. Со временем мы нагреемся и будем готовы друг к другу. С уверенностью я продолжаю:

– У нас с Питером все совершенно не так, как было у него с Женевьевой. Мы не те, кем были они. Короче, я хочу сказать, что нет смысла сравнивать отношения, ясно?

И не важно, что я постоянно делаю это у себя в голове.

На уроке французского я слышу, как Эмили Нассбаум шепчет Женевьеве:

– Интересно, если она окажется беременной, Кавински заплатит за аборт?

– Ни за что, – шепчет в ответ Женевьева. – Он слишком прижимистый. Может, половину.

И все смеются.

Мое лицо горит от унижения. Я хочу крикнуть им: «Мы не занимались сексом! Мы просто обнимались!» Но, выйдя из себя, я доставлю им еще больше удовольствия. По крайней мере, так бы сказала Марго. Поэтому я держу голову выше: так высоко, как только могу; так высоко, что у меня сводит шею.

Может, это действительно сделала Джен. Может, она настолько меня ненавидит.

Мисс Давенпорт перехватывает меня по пути на следующий урок. Она обнимает меня за плечи и говорит:

– Лара Джин, ну как ты держишься?

Я знаю, что ей нет до меня никакого дела. Скорее ей просто хочется посплетничать. Она самая большая сплетница из всех учителей, а может, и среди учеников. Я не хочу, чтобы обо мне шептались в учительской.

– Все отлично, – отвечаю я радостно.

Подбородок выше! Подбородок выше!

– Я посмотрела то видео, – шепчет она, зыркая по сторонам, чтобы убедиться, что никто не слушает. – Где вы с Питером в джакузи.

Я так сильно сжимаю челюсть, что зубы начинают болеть.

– Комментарии, должно быть, тебя очень расстроили. Это не удивительно.

Мисс Давенпорт нужно срочно обзавестись собственной жизнью, раз ей больше нечем заняться на рождественских каникулах, кроме как листать Инстаграмы старшеклассников.

– Дети бывают такими жестокими! Поверь, я знаю это из личного опыта. Я немногим старше вас.

– Со мной все хорошо, но спасибо за беспокойство.

Здесь не на что смотреть, народ! Идите куда шли!

Мисс Давенпорт выпячивает нижнюю губу.

– Что ж, если захочешь с кем-нибудь поговорить, то я всегда готова выслушать. Позволь помочь тебе. Приходи ко мне в любое время, я освобожу тебя от урока.

– Спасибо, мисс Давенпорт. – Я выскальзываю из-под ее руки.

Миссис Дюваль, школьный наставник и консультант, останавливает меня по пути на урок английского.

– Лара Джин, – начинает она, а потом запинается. – Ты такая умная, талантливая девушка. Ты не из тех, кого ловят за подобными занятиями. Мне больно смотреть, как ты катишься по наклонной.

Я чувствую, что к горлу подступают слезы, пытаясь пробиться на поверхность. Я уважаю миссис Дюваль. Я хочу, чтобы она хорошо обо мне думала. Но могу только кивать.

Она ласково поднимает мой подбородок. От нее пахнет сухими лепестками роз. Она пожилая женщина и работает в школе уже целую вечность. Миссис Дюваль искренне беспокоится о детях. Она из тех, к кому бывшие ученики заходят поздороваться, когда возвращаются из колледжа на зимние каникулы.

– Тебе пора собраться и серьезно подумать о будущем, а не тратить время на школьные драмы. Не давай колледжам повода тебе отказать, поняла?

Я снова киваю.

– Молодец, – говорит она. – Я знаю, что ты лучше этого.

Ее слова отзываются эхом у меня в голове. Лучше этого. Лучше чего? И кого?

На большой перемене я сбегаю в женский туалет, чтобы не пришлось ни с кем разговаривать. Как назло там я встречаю Женевьеву. Она стоит перед зеркалом и наносит блеск для губ. Наши глаза встречаются в зеркале.

– Приветик!

Она всегда так говорит. *Приветик*. Так надменно, так самоуверенно.

– Это все ты? – Мой голос эхом отскакивает от стен.

Рука Женевьевы застывает в воздухе, но она быстро приходит в себя и закручивает блеск для губ.

– *Что* я?

– Это ты отправила видео Анонимке?

– Нет, – усмехается она.

Ее губы, чуть дрогнув, слегка кривятся вправо. Теперь я точно знаю, что она лжет. Я слишком часто видела, как она врала маме, и запомнила это выражение лица. Несмотря на то что в глубине души я ее подозревала, от того, что мои догадки подтвердились, у меня перехватывает дыхание.

– Пусть мы больше не подруги, но ведь были когда-то. Ты знаешь моих сестер, моего отца. Знаешь меня. Ты знала, как сильно меня это ранит. – Я сжимаю кулаки, чтобы не расплакаться. – Как ты могла так со мной поступить?

– Лара Джин, мне очень жаль, что с тобой такое случилось, но, честно, это не я.

Она с псевдосочувствующим видом пожимает плечами, и вот опять уголок ее рта поднимается вверх.

– Это была ты. Я уверена. Когда Питер узнает…

Женевьева приподнимает бровь.

– Что он сделает? Побьет меня?

От злости у меня трясутся руки.

– Нет, потому что ты девушка. Но он тебя не простит. Я рада, что ты так поступила, ведь это докажет ему, какой ты человек на самом деле.

– Он прекрасно знает, какой я человек. И знаешь что? Он все равно меня любит больше, чем когда-либо полюбит тебя. Вот увидишь.

С этими словами она разворачивается и уходит.

Тогда-то меня осеняет. Она ревнует! Ко мне! Джен не может смириться с тем, что Питер со мной, а не с ней. Что ж, она сама себя подставила, потому что как только Питер узнает, что она нам сделала, то больше никогда не посмотрит на нее так, как прежде.

Когда уроки заканчиваются, я бегу на парковку, где Питер уже ждет меня в своей машине с включенной печкой. Не успев открыть дверцу пассажирского сиденья, я выдыхаю:

– Это Женевьева! – Я залезаю внутрь. – Это она отправила видео Анонимке. Она только что призналась!

– Она призналась, что сняла видео? – спрашивает он спокойно. – Прямо так и сказала?

– Ну, не совсем…

Что именно она сказала? Я ушла в полной уверенности, что Джен призналась, но теперь, прокручивая разговор у себя в голове, я понимаю, что она не говорила ничего конкретного.

– Она не призналась прямым текстом, но все было понятно. К тому же она так скривила губы… – Я поднимаю вверх уголок рта. – Видишь? Она всегда так делает, когда врет.

Он приподнимает бровь.

– Да брось, Кави!

– Питер!

– Ладно, ладно, я с ней поговорю. – Парень заводит машину.

Я уверена, что знаю ответ на этот вопрос, но не могу не спросить.

– Кто-нибудь из учителей что-нибудь говорил тебе по поводу видео? Может, тренер Уайт?

– Нет, а что? С тобой кто-нибудь говорил?

Вот о чем толковала Марго: двойной стандарт. Мальчики есть мальчики, а девочки должны быть осторожны, должны заботиться о своем теле, о своем будущем и обо всем, за что их могут осудить. Внезапно я спрашиваю:

– Когда ты поговоришь с Женевьевой?

– Я зайду к ней сегодня.

– Ты пойдешь к ней домой? – переспрашиваю я.

– Ну да. Я хочу увидеть ее лицо, чтобы понять, врет она или нет. Посмотрю, действительно ли она кривит губы так, как ты говоришь.

Питер голоден, поэтому по пути мы заезжаем за гамбургерами и молочными коктейлями. Когда я возвращаюсь домой, Марго с Китти меня уже ждут.

– Расскажи нам все! – просит Марго, протягивая мне чашку какао. Я проверяю, не забыла ли она добавить туда маленькие маршмеллоу, и вижу, что не забыла.

– Питер все исправил? – хочет знать Китти.

– Да! Он заставил Анонимку удалить видео. Пригрозил, что у него дядя крутой юрист, хотя на самом деле его дядя владеет пиццерией в Нью-Джерси.

Услышав это, Марго улыбается. Потом ее лицо становится серьезным.

– В школе тебя доставали?

– Нет, все было не так уж и плохо, – беспечно отвечаю я, ощущая прилив гордости за то, что не выдала своих чувств перед сестрами. – И, кажется, я знаю, кто выложил видео.

– Кто? – спрашивают они хором.

– Женевьева, как и говорила Крис. Я столкнулась с ней в туалете. Она стала все отрицать, но потом скривила рот так, как обычно делает, когда врет. – Я показала им на себе. – Гоу-Гоу, ты помнишь?

– Вроде да, – отвечает сестра, хотя я вижу, что не помнит. – Что сказал Питер, узнав, что это была Женевьева? Он ведь тебе поверил?

– Не совсем, – увиливаю я, дуя на какао. – Но он обещал поговорить с ней и докопаться до истины.

– Он должен был в любом случае тебя поддержать, – хмурится Марго.

– И он меня поддержал, Гоу-Гоу! – Я беру ее руку, переплетая наши пальцы. – Так он и сделал. Он сказал «Только ты и я, малыш». Это было так романтично!

– Ты безнадежна! – смеется Марго. – Никогда не меняйся.

– Так жаль, что ты завтра уезжаешь, – вздыхаю я.

Мне уже ее не хватает. Когда Марго рядом, когда она принимает решения и дает мудрые советы, я чувствую себя в безопасности. С ней я сильнее.

– Лара Джин, ты со всем справишься, – говорит она, и я слушаю, глядя на нее очень внимательно, пытаясь уловить нотку сомнения или фальши, хоть какой-то намек на то, что она говорит так лишь для того, чтобы поддержать меня. Но не вижу ничего, кроме уверенности.

8

Сегодня Марго в последний раз ужинает с нами перед тем, как вернуться в Шотландию. Папа собственноручно готовит ребрышки по-корейски и жареную картошку с сыром. И даже печет лимонный пирог.

– На улице так серо и холодно, – говорит он. – Я подумал, нам всем не помешает немного солнечного света в виде лимонного пирога.

Затем он обнимает меня за талию и похлопывает по боку, и, хотя он не спрашивает, я знаю, что он чувствует, что со мной происходит что-то посерьезнее месячных.

Мы едва успеваем поднести вилки ко рту, когда папа спрашивает:

– Ну что, кальби-ччим на вкус такое же, как у бабушки?

– Почти, – отвечаю я, но, увидев, как улыбка сходит с папиного лица, быстро добавляю. – В смысле, даже вкуснее!

– Я отбил мясо, как она велела, – сообщает папа. – Но оно совсем не так легко отходит от кости. Помните, как получается у бабушки? Вам даже нож не нужен, чтобы есть ребрышки по-корейски, если они правильно приготовлены.

В этот момент Марго как раз пытается отрезать кусок ножом для стейка и останавливается.

– Впервые я попробовал кальби-ччим с вашей мамой. На наше первое свидание она повела меня в корейский ресторан, сделала заказ на своем языке и рассказала мне о каждом блюде. В тот вечер я был поражен ею. Жаль только, что вы, девочки, перестали ходить в корейскую школу. – Уголки его губ опускаются на мгновение, но потом он снова улыбается. – Ешьте, девочки.

– Пап, в Университете Вирджинии есть программа по изучению корейского языка, – говорю я. – Если я поступлю, то обязательно запишусь на этот курс.

– Маме бы это понравилось, – отвечает он, и в его взгляде снова проскальзывает грусть.

Марго поспешно восклицает:

– Папуль, ребрышки просто объедение! А вот в Шотландии нет вкусной корейской еды.

– Возьми с собой немного морских водорослей, – советует папа. – И чай с женьшенем, который бабушка привезла нам из Кореи. И забери рисоварку.

– В чем же *мы* будем варить рис? – хмурится Китти.

– Мы купим новую! – говорит он и мечтательно добавляет: – Вот бы съездить туда в отпуск всей семьей! Это было бы просто чудесно! Ваша мама всегда хотела свозить вас в Корею. У вас там довольно много родственников.

– А бабушку мы тоже с собой возьмем? – спрашивает Китти. Она продолжает тайком подсовывать кусочки мяса Джейми, который сидит на задних лапах и смотрит на нас полными надежды глазами.

Папа чуть не давится картошкой.

– Отличная идея! – восклицает он. – Из нее бы вышел прекрасный гид!

Мы с Марго обмениваемся улыбками. Бабушка уже через неделю свела бы папу с ума.

Меня же больше всего воодушевляет шопинг.

– Вы только подумайте, сколько там всяких канцелярских принадлежностей! – говорю я. – И одежды! И заколок! И косметики! Надо составить список!

– Пап, ты мог бы сходить на мастер-класс по корейской кухне, – предлагает Марго.

– Да! Давайте запланируем это на лето, – говорит папа. Я вижу, что он в восторге от своей идеи. – Естественно, придется согласовать все наши графики. Марго, ты ведь будешь здесь все каникулы?

Так она говорила на прошлой неделе.

Марго опускает взгляд на свою тарелку.

– Точно не знаю. Я еще ничего не решила.

Папа выглядит озадаченным, и мы с Китти обмениваемся взглядами. Это наверняка связано с Джошем, и я могу ее понять.

– Возможно, меня примут на стажировку в Королевский институт антропологии в Лондоне.

– Я думал, ты хочешь снова работать в Монпелье, – говорит папа, наморщив лоб в замешательстве.

– Я пока еще думаю. Говорю же, я еще ничего не решила.

– Как думаешь, в Королевском институте ты встретишь членов королевской семьи? – вмешивается Китти.

Я закатываю глаза, а Марго бросает на сестренку благодарный взгляд и отвечает:

– Это вряд ли, Котенок, но всякое бывает.

– Ну а ты, Лара Джин? – спрашивает Китти с невинными круглыми глазами. – Ты разве не должна делать что-то полезное этим летом, чтобы произвести впечатление на приемную комиссию?

Я бросаю на нее злобный взгляд.

– У меня еще полно времени, чтобы что-нибудь придумать.

Под столом я сильно пинаю ее, и она вскрикивает.

– Ты должна была искать стажировку на весну, – напоминает мне Марго. – Говорю тебе, Лара Джин, надо действовать быстро, иначе все хорошие места разберут. И ты еще не писала Нони насчет репетиторства для подготовки к экзаменационному тесту? Узнай, будет ли она преподавать в летней школе или уедет домой.

– Хорошо, хорошо, узнаю.

– Я могу устроить тебя в сувенирный магазин при больнице, – предлагает папа. – Мы сможем вместе ездить на работу и вместе обедать. Круто будет целый день тусоваться со своим стариком!

– Пап, у тебя что, нет друзей на работе? – спрашивает Китти. – Ты один сидишь в столовой?

– Ну, не каждый день. Иногда я обедаю один у себя в кабинете, но это потому, что мне бывает некогда поесть. Но если Лара Джин будет работать в сувенирном магазине, я найду для нее время. – Он рассеянно стучит палочками по тарелке. – И ты всегда можешь попробовать устроиться в Макдоналдс, а там посмотрим.

Китти взвизгивает:

– Эй, если ты будешь работать в Макдоналдсе, тебе можно будет есть столько картошки фри, сколько влезет!

Нахмурившись, я представляю ожидающее меня лето, и мне не нравится то, что я вижу.

– Я не хочу работать в Макдоналдсе. И без обид, пап, но в сувенирном магазине я работать тоже не буду. – Я отчаянно соображаю, что бы придумать. – Я думала о чем-то более официальном, например, о Бельвью. Я могу быть стажером директора досугового отдела. Или помощником. Марго, что звучит более презентабельно?

– Заместитель директора досугового отдела, – произносит Марго.

– Звучит профессионально, – соглашаюсь я. – У меня куча идей. Может, мне зайти туда на неделе и поделиться ими с Джанетт?

– Что за идеи? – спрашивает папа.

– Кружок по скрапбукингу. – выдумываю я на ходу. – У пенсионеров столько фотографий, сувениров и всяких памятных бумажек. Было бы интересно собрать их все в один альбом, чтобы ничего не потерялось. – Я увлекаюсь, и меня уже не остановить. – А потом

можно устроить выставку получившихся альбомов. Все будут листать их и узнавать истории жизни друг друга. Можно испечь слойки с сыром и подать белое вино…

– Это *потрясающая* идея! – говорит Марго, одобрительно кивая.

– Действительно интересно, – восторгается папа. – Естественно, к белому вину ты не притронешься, но слойки с сыром – обязательно!

– Ой, пап! – восклицаем мы хором, потому что его забавляет, когда мы так делаем. Если он начинает вести себя как чрезмерно заботливый отец, мы в ответ отчаянно стонем и вздыхаем: «Ой, пап!»

Когда мы моем посуду, Марго говорит, что мне определенно стоит попробовать свои силы в Бельвью.

– Там нужен кто-нибудь, кто возьмет на себя дополнительные обязанности, – рассуждает она, намыливая кастрюлю. – Свежая энергия, новые идеи. Работа в доме престарелых многих выматывает. Джанетт будет только рада лишней помощи.

Вообще-то я начала болтать о своих планах в Бельвью, чтобы все от меня отстали, но теперь думаю, что мне действительно стоит поговорить с Джанетт.

Вернувшись к себе в комнату, я обнаруживаю пропущенный звонок от Питера. Я перезваниваю ему и слышу, как вдалеке работает телевизор.

– Ты с ней поговорил? – Я надеюсь-надеюсь-надеюсь, что теперь он мне поверит.

– Поговорил.

Мое сердце стучит.

– И что? Она призналась?

– Нет.

– Нет? – Я выдыхаю.

Ясно. Думаю, этого следовало ожидать. Джен не из тех, кто сразу же ложится лапками кверху. Она боец.

– Что ж, пусть говорит что хочет, но я знаю, что это была она.

– Нельзя обвинять ее лишь из-за того, как она скривила рот, Кави.

– Дело не только в этом. Я ее знаю. Она была моей лучшей подругой. Я знаю, как она думает.

– Я знаю ее лучше, чем ты, и я говорю, что, по-моему, это была не она. Поверь мне.

Он знает ее лучше. Ну, разумеется. Но я знаю ее как девушка – девушку, как бывшая лучшая подруга – бывшую лучшую подругу, и я уверена, что она врет. И не важно, сколько прошло лет. Кое-что девушки чуют нутром, всем телом.

– Я верю *тебе*. Но я не верю *ей*. Это часть ее плана, Питер.

Воцаряется долгая тишина, и мои последние слова звенят у меня в ушах. Они прозвучали безумно, даже для меня.

Терпеливым голосом Питер говорит:

– Она сейчас измотана семейными проблемами, у нее нет времени строить тебе козни, Кави.

Семейные проблемы? Правда ли это? Я чувствую укол вины, вспомнив, как Крис однажды сказала, что их бабушка сломала бедро, и родственники спорили о том, нужно ли класть ее в специализированный центр. Они с Женевьевой всегда были очень близки. По словам Джен, она была ее любимой внучкой, потому что выглядела так же, как ее бабушка в молодости. То есть шикарно.

Или дело в родителях? Женевьева волновалась, что они могут развестись.

Хотя, может, все это ложь. Слова вертятся у меня на языке, когда Питер говорит:

– Мама зовет меня вниз. Поговорим об этом завтра?

– Конечно, – отвечаю я.

Что ж, в общем, это может быть что угодно. Возможно, Питер прав. Может, когда-то я хорошо ее знала, но не теперь. Теперь Питер знает ее гораздо лучше. К тому же разве не так теряют парней? Когда дают волю подозрениям, ревности и неуверенности? Я более чем уверена, что такое поведение мне не идет.

Положив трубку, я решаю забыть об этом видео раз и навсегда. Что было, то было. У меня есть и более важные дела: мой парень, перспектива новой работы (за которую мне не будут платить, но все равно) и учеба. Я не позволю себя сломать. К тому же на записи даже не видно моего лица.

9

На следующее утро перед школой мы укладываем вещи Марго в машину, чтобы папа отвез ее в аэропорт. Я не свожу глаз с окна Джоша и думаю, спустится ли он попрощаться. Это меньшее, что он может сделать. Но свет у него не горит, так что он, видимо, еще спит.

Пока Марго прощается с Джейми Фокс-Пиклом, из дома выходит мисс Ротшильд со своей собакой. Завидев их, щенок спрыгивает с рук Марго и несется через дорогу. Папа гонится за ним. Джейми лает и прыгает вокруг несчастного Симона – старого пса мисс Ротшильд, который не обращает на него никакого внимания. От возбуждения Джейми писает на зеленые резиновые сапоги нашей соседки. Папа извиняется, но та только смеется.

– Их легко отмыть, – говорит она.

Мисс Ротшильд отлично выглядит: ее каштановые волосы собраны в высокий хвост, на ней штаны для йоги и дутая куртка. Такая же была у Женевьевы.

– Скорее, пап! – кричит Марго. – В аэропорт нужно приехать за три часа до вылета!

– Это слишком, – говорю я. – Двух часов более чем достаточно.

Мы смотрим, как папа пытается унести Джейми, а тот вырывается. Мисс Ротшильд ловко хватает щенка одной рукой и целует в лоб.

– На международные рейсы нужно приезжать за три часа до вылета, Лара Джин. Мне еще багаж регистрировать.

Китти ничего не говорит, она наблюдает за развернувшейся через дорогу собачьей драмой.

Папа возвращается с извивающимся в руках Джейми и говорит:

– Нужно убираться отсюда, пока Джейми не выкинул еще что-нибудь.

Мы втроем крепко обнимаемся, Марго шепчет мне «будь сильной», и я киваю, а потом они с папой уезжают в аэропорт.

Еще очень рано. Раньше, чем мы обычно просыпаемся в школу, поэтому я пеку нам с Китти банановые панкейки. Она погружена в свои мысли, и мне дважды приходится спрашивать ее, сколько штук делать на ее долю. Я пеку несколько лишних и заворачиваю их в фольгу, чтобы угостить Питера по пути в школу. Затем я мою посуду и даже отправляю электронное письмо Джанетт из Бельвью, и моментально получаю ответ. Она говорит, что заместительница Марго ушла месяц назад, поэтому я как раз вовремя. «Приходи в субботу, и мы обсудим твои обязанности».

Я чувствую, что наконец-то сделала что-то полезное. Проявила себя. Я все смогу.

Поэтому, когда этим холодным январским утром я захожу в школу, держа Питера за руку, полная банановых блинчиков, с новой работой и в полосатом свитере Марго, который она мне оставила, я чувствую себя хорошо. Даже замечательно.

Питеру нужно зайти в компьютерный класс, чтобы распечатать задание по английскому, так что первым делом мы идем туда. Он вводит пароль, и я громко ахаю, когда вижу обои рабочего стола.

Кто-то сделал скрин-видео в джакузи: я сижу у Питера на коленях в красной фланелевой ночнушке, юбка задралась у меня на бедрах. Сверху подпись: «ГОРЯЧИЙ СЕКС В ГОРЯЧЕМ ДЖАКУЗИ». И внизу: «ВЫ ВСЕ ДЕЛАЕТЕ НЕПРАВИЛЬНО».

– Какого черта? – бормочет Питер, оглядывая компьютерный класс.

Никто не поднимает головы. Он подходит к другому компьютеру – та же картинка, другая надпись. «ОНА НЕ ЗНАЛА, ЧТО В ВОДЕ ОН СЪЕЖИВАЕТСЯ» – наверху. «ОН ДОВОЛЬСТВУЕТСЯ ТЕМ, ЧТО СМОГ ПОЛУЧИТЬ» – внизу.

Мы стали мемом.

На протяжении нескольких дней эти картинки появляются повсюду: в лентах Инстаграма, на стенах в Фейсбуке.

На одной из них мастера фотошопа дорисовали танцующую акулу, на другой к нашим телам приделали кошачьи головы.

А еще на одной просто подписали «БИКИНИ АМИШЕЙ».

Друзья Питера из команды по лакроссу считают, что это уморительно, но клянутся, что не имеют к этим картинкам никакого отношения. В столовой Гейб оправдывается:

– Я даже фотошопом пользоваться не умею!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.